

ОБЪЯСНЕНІЯ, ВЫЗВАННЫЯ СТАТЬЕЮ Г. АРТИЛЛЕРИСТА,

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ :

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ: «ЗАМѢЧАНІЯ ИНЖЕНЕРА О ПРИЧИНАХЪ ВЗЯТІЯ МАЛАХОВА КУРГАНА». (*)

Цѣль, съ которою мы писали статью: «О причинахъ взятія Малахова кургана» (**), была нами ясно изложена. Мы были убѣждены, что, рѣшившись высказать наше мнѣніе о дѣйствіяхъ защитниковъ Малахова кургана въ послѣдній мѣсяцъ севастьяпольской обороны, мы неминуемо вызовемъ нѣсколько отвѣтовъ съ опроверженіями и объясненіями. Но, взявшись за столь важный вопросъ, мы рѣшились не оставлять ни одного возраженія безъ отвѣта, готовы согласиться съ ясными доказательствами неосновательности нашихъ мнѣній и съ такою же готовностью будемъ отвѣчать на доводы, которые, по нашему мнѣнію, неубѣдительны.

Съ такими мыслями принимаемся мы за отвѣтъ г. Артиллеристу на его «Нѣсколько словъ» по поводу нашей статьи: «Замѣчанія инженера о причинахъ взятія Малахова кургана». Крайне сожалѣемъ, что не можемъ съ нимъ почти ни въ чемъ

(*) См. № 7-й «Военнаго Сборника» за 1859 годъ.

(**) «Военный Сборникъ» 1858 г., № 4.

согласиться; однакожь, утѣшаемъ себя надеждою, что въ будущемъ его отвѣтъ (ежели имъ мы будемъ удостоены) опроверженія и доказательства будутъ болѣе убѣдительны.

По мнѣнію автора, мы принадлежимъ къ разряду *угрюмыхъ критиковъ*. Желая избѣгать бесполезной полемики, не станемъ распространяться о томъ, на сколько умѣстно такое раздѣленіе пишущихъ статьи спеціальнаго содержанія; скажемъ только, что, писавши статью о причинахъ взятія Малахова кургана, мы имѣли въ виду сохранить не угрюмый или забавный тонъ, а точное изложеніе нашихъ мнѣній касательно предмета весьма серьезнаго содержанія. По нашему мнѣнію, рѣшительно все равно, высказаны ли мысли рѣзкимъ или шутливымъ тономъ, лишь бы въ нихъ заключалась истина. Впрочемъ, предоставляемъ автору право причислять насъ къ какому угодно разряду критиковъ, лишь бы при этомъ г. Артиллеристъ не взваливалъ на насъ напраслины, какъ онъ это сдѣлалъ въ настоящей своей статьѣ.

Не ограничиваясь заключеніемъ объ угрюмости нашего характера, вы приписываете намъ еще «самоувѣренность» и уличаете въ виновности «передъ публикою и исторіею». Пощадите, Бога ради! Осмотритесь: вѣдь у васъ мы безъ вины виноваты. Позвольте васъ убѣдить въ этомъ. Въ статьѣ вашей вы говорите: «Будучи личнымъ свидѣтелемъ всѣхъ описанныхъ авторомъ событій, я не могъ не удивиться, когда почтенный авторъ статьи, оканчивая замѣтки свои о причинахъ взятія Малахова кургана, сказалъ, что замѣтки его по достовѣрности своей составляютъ достояніе исторіи. Самоувѣренность огромная, но и отвѣтственность передъ публикою и исторіею большая» (стр. 189 и 190). Прежде, нежели будемъ отвѣчать на это, позвольте вамъ замѣтить: собираясь писать возраженія на какую либо статью, слѣдуетъ, не увлекаясь, внимательно ее прочесть, иначе вамъ даже слова, буквы покажутся другими. Признаемся, насъ поразили строки ваши, въ которыхъ вы говорите, будто мы сказали, что «замѣтки наши по достовѣрности своей составляютъ достояніе исторіи». Какимъ образомъ могли мы сказать что подобное? По нашему мнѣнію, это болѣе, нежели самоувѣренность: это—хвастовство. Мы подумали, не опечатка ли, или не погрѣшность ли это съ нашей стороны противъ согласованія словъ. Съ живѣйшимъ безпокойствомъ бросились мы къ 4-му № «Военнаго Сборника» за 1858 годъ и.... скажите, г. Артиллеристъ, гдѣ

это вы нашли, что тамъ сказано, что «замѣтки наши по достовѣрности своей составляютъ достояніе исторіи»? Вѣдь если вы ставите знаки « » (чужесловъ), то, значитъ, повторяете собственные мои слова? Не угодно ли вамъ прочесть, какъ сказано въ нашей статьѣ: «Если подвергнуть строгому и безпристрастному суду предложенныя замѣчанія, которыя подкрѣпилъ я фактами, по достовѣрности своей составляющими достояніе исторіи», и т. д., то есть, что *факты, а не замѣчанія*, по достовѣрности своей, составляютъ достояніе исторіи. И теперь вновь повторяемъ то, что мы сказали, оканчивая первую нашу статью, то есть, что факты эти составляютъ достояніе исторіи, потому что они выставлены не наобумъ, а взяты изъ официальныхъ документовъ, а поэтому несомнѣнно достовѣрны. Для большей ясности, мы можемъ отдѣлить сужденія наши отъ фактовъ, составляющихъ достояніе исторіи: такъ, напримѣръ, съ 5-го на 6-е августа 1855 года сдѣланы были такія-то поврежденія, для исправленія ихъ требовалось столько рабочихъ, а выслано столько-то — это фактъ; а что это число рабочихъ было недостаточно для исправленія всѣхъ поврежденій—это наше замѣчаніе, и проч.

Послѣ всего этого будьте безпристрастны, г. Артиллеристъ, и согласитесь, что достаточно перефразировать ваши слова: «самоувѣренность огромная, но и отвѣтственность передъ публикою и исторіею большая»: такимъ образомъ, неосмотрительность большая, но и отвѣтственность передъ публикою, нами, а въ особенности передъ истинною, еще больше—чтобы слова эти вполне къ вамъ относились.

— Подумаешь, отъ какихъ случайностей зависить многое въ жизни нашей и сколько этому примѣровъ можно найти въ событіяхъ, составляющихъ достояніе исторіи. Но зачѣмъ намъ рыться въ исторіи, когда передъ глазами у насъ такой свѣжій примѣръ этому? Ну, не увлекись г. Артиллеристъ и не прочти въ нашей статьѣ того, чего въ ней вовсе не написано, и онъ, быть можетъ, никогда не пускался бы въ печать, потому что онъ ясно говорить: «Не принадлежа къ числу литераторовъ, я никогда не писалъ для печати; одна только увѣренность г. А. Орда, что замѣтки его непогрѣшительны и составляютъ достояніе исторіи, вызвала меня заговорить печатно». А увидѣвъ себя въ печати разъ, захочется другой, и изъ долговременной опытности своей, вѣроятно, г. Артиллеристъ можетъ сообщить мно-

гое поучительное. Вотъ и услуга нашей статьи военной литературѣ: она вызываетъ на поприще такихъ людей, которые и не думали вступать на скользкій ея путь. Но не станемъ отвлекаться и будемъ продолжать разборъ перваго шага г. Артиллериста въ военной литературѣ.

Найдя насъ угрюмымъ критикомъ, уличивъ насъ въ самоувѣренности, авторъ продолжаетъ дальнѣйшую аттестацію о насъ такимъ образомъ: любить своихъ собратьевъ, но грѣшить противъ истины (стр. 190). Тутъ позвольте вамъ замѣтить, г. Артиллеристъ, что грѣшить противу истины значить говорить неправду, но такъ какъ сами вы говорите, что мы ничего не говоримъ о нашихъ сослуживцахъ (стр. 190), то мы ни правды, ни неправды о нихъ не сказали; значить противъ истины мы не грѣшили и, слѣдовательно, вы опять-таки удалились отъ истины. Вы вправѣ сказать, что мы выставляемъ ошибки другихъ и молчимъ про инженеровъ; но зачѣмъ же говорить, что мы въ этомъ случаѣ грѣшимъ противу истины. Вѣдь молчать и говорить неправду — ни въ какомъ языкѣ не синонимъ. Если же вамъ угодно знать, почему въ первой статьѣ нашей мы не говоримъ объ инженерахъ, то, во-первыхъ, потому, что сами принадлежимъ къ нимъ и, опасаясь увлечься хотя и неумышленнымъ къ нимъ пристрастіемъ, предоставляемъ право другимъ судить о насъ, а во-вторыхъ потому, что не хотимъ лжесвидѣтельствовать и говорить то, чего мы сами не видѣли. Такъ, напримѣръ, мы не видѣли того, чтобы инженеры въ Севастополѣ, «распорядившись въ ночи работами, отправлялись обыкновенно въ блиндажи и только утромъ являлись для повѣрки работъ» (стр. 198), и потому не сказали этого. Не утверждаемъ, что этого не было, жалѣемъ только, что г. Артиллеристъ не спросилъ этихъ «нѣкоторыхъ», на словахъ которыхъ онъ основывается, на какомъ бастионѣ случились эти проступки противъ долга? Что же касается до Малахова кургана, то смѣю увѣрить васъ, г. Артиллеристъ, что этого не было; по крайней мѣрѣ, въ продолженіе трехмѣсячной нашей тамъ службы мы не видали, чтобы инженеры, «распорядившись работами, обыкновенно уходили съ нихъ вплоть до утра».

Никогда и никогда не будемъ увѣрять, чтобы инженеры были безгрѣшны въ продолжительное время обороны Севастополя: громадность инженерныхъ работъ, поспѣшность, съ которою онѣ производились, можетъ быть, что иногда и невнимательность,

безпечность—кто безъ грѣха?—были причиною, быть можетъ, и не одной ошибки инженеровъ. Указывайте намъ эти ошибки, покорнѣйше просимъ: мы будемъ или соглашаться съ вами, или опровергать, смотря по силѣ и основательности вашихъ доводовъ. Вотъ, заговорили о непростительной ошибкѣ инженеровъ, постройкѣ горжи, слишкомъ обширномъ развитіи контр-апрошей — по мѣрѣ силъ отвѣчаемъ. Подымайте новые вопросы—мы охотно будемъ отвѣчать—но основывайтесь также на фактахъ *достоверныхъ и поэтому составляющихъ достояніе исторіи*, не произносите какого либо, а тѣмъ болѣе несправедливаго, приговора о чьихъ нибудь дѣйствіяхъ, не имѣя на это точныхъ, непреложныхъ доказательствъ, а только слова *нѣкоторыхъ*, которые могутъ быть не изъяты отъ пристрастія, и, наконецъ, остерегайтесь отъ голословныхъ обвиненій всего сословія, по двумъ, тремъ личностямъ, которыя, можетъ быть, вамъ удалось видѣть. Въ семьѣ не безъ уroda; однако, согласитесь г. Артиллеристъ, что инженерное вѣдомство занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду защитниковъ Севастополя, а вѣдь вы насъ рѣшительно уничтожаете: вы прямо говорите, что инженеры ничего не дѣлали, встрѣчали вездѣ *только одни препятствія* (стр. 199) и, устраивая какія-то мышеловки или *западни*, сгубили Севастополь.

Но довольно объ инженерахъ; кажется, дальше, вы вызовете насъ еще на объясненіе касательно инженеровъ.

Не станемъ утомлять читателя изложеніемъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ, по нашему мнѣнію, горжа въ севастопольскихъ укрѣпленіяхъ, а въ особенности на Малахова курганѣ, была необходима. Намъ бы пришлось перепечатать какъ часть первой нашей статьи, такъ равно и часть нашей же статьи «Нѣсколько словъ о системѣ обороны Севастополя», помѣщенной въ № 8 «Военнаго Сборника» за текущей годъ, потому что при тѣхъ же убѣжденіяхъ мы и теперь остаемся. При томъ же, хуля горжу, г. артиллеристъ не смотритъ на вопросъ съ военной точки зрѣнія, а основываетъ свои порицанія на ложномъ мнѣніи о духѣ и повѣрьи солдатъ.

Между прочимъ, г. Артиллеристъ говоритъ: «въ послѣднюю эпоху осады худо защищаться въ замкнутомъ укрѣпленіи, потерявши фронтъ онаго; не спасетъ насъ горжа, когда непріятель атакуетъ насъ спереди», и на этой же страницѣ проситъ насъ объяснить: «какую пользу принесли для севастопольскихъ укрѣ-

пленій горжи и на какомъ именно бастіонѣ воспользовались устройствомъ ихъ?» Прежде всего позвольте вамъ напомнить, г. Артиллеристъ, что горжа строится не съ цѣлью противодѣйствовать атакамъ укрѣпленія спереди, а съ цѣлью не дозволить ему овладѣть укрѣпленіемъ съ тыла и поэтому заставить его атаковать его съ фронта, почему она и имѣетъ банкетъ съ внутренности укрѣпленія, а рвомъ обращена къ сторонѣ крѣпости и, слѣдовательно, естественно не можетъ спасти въ случаѣ атаки спереди. Это—назначеніе ретраншамета или редюнта, а не горжи.

Если непріятель атакуетъ сомкнутое укрѣпленіе съ передняго фаса, сильнѣе прочихъ частей укрѣпленія вооруженнаго, то цѣль горжи достигнута. Атаковать укрѣпленіе съ тыла непріятель можетъ тогда рѣшиться, когда увѣренъ, что, добѣжавъ до укрѣпленія подъ фронтальнымъ огнемъ и миновавъ фланговую оборону, встрѣтитъ онъ, въ тылу укрѣпленія, свободный входъ, что и было съ Камчатскимъ люнетомъ. Послѣ этого на вопросъ вашъ, г. Артиллеристъ, на какомъ именно бастіонѣ воспользовались устройствомъ горжъ, смѣло отвѣчаемъ: на всѣхъ, которые только непріятель штурмовалъ 27 августа, потому что 2-й бастіонъ, Малахова курганъ, 3-й бастіонъ, редуть Шварца, 5-й бастіонъ были атакованы спереди. Но, быть можетъ, вамъ угодно имѣть примѣръ, гдѣ атакующій, своевременно встрѣченный, поплатился за штурмъ сомкнутыхъ укрѣпленій съ тыла? Къ несчастію, это случилось съ нашими войсками при штурмѣ кр. Карса 17 сентября 1855 года.

Конечно, по занятіи непріятелемъ сомкнутого укрѣпленія, ввести массу войскъ во внутренность его труднѣе, нежели въ открытое съ горжи укрѣпленіе, но опять-таки повторяемъ, что мы не можемъ согласиться съ г. Бергомъ, «что мы не могли отбить Малахова кургана по причинѣ замкнутой горжи», не можемъ потому, что горжа была занята, или, лучше сказать, оставлена нами, да и далеко не *безъ выстрѣла*, нѣсколько часовъ спустя послѣ начатія штурма. Это историческій фактъ, достояніе исторіи, и скорѣе согласимся мы, что большое число траверзовъ и блиндажей затрудняли отбитіе Малахова кургана, но вѣдь при этомъ г. Артиллеристъ восклицаетъ: «Да кто же спорить съ вами, г. Орда, въ очевидной пользѣ траверзовъ и блиндажей?» (Стр. 193.)

Теперь посмотримъ на духъ и повѣрья русскаго солдата, на которые г. Артиллеристъ такъ сильно опирается.

На стр. 191 авторъ говоритъ, что русскому солдату оборона въ сомкнутомъ укрѣпленіи «не понутру; ему легче отступить предъ превосходнымъ непріателемъ, оправиться и потомъ снова ударить въ штыки: это дѣло знакомое». Но, извините, для насъ совершенно новое, и мы не подозрѣвали этой тактической особенности русскаго солдата. Что легче оставить укрѣпленіе при атакѣ превосходнаго непріателя, нежели удержаться въ немъ, съ этимъ, конечно, никто спорить не станетъ, но вотъ, чтобы, отступивъ изъ укрѣпленія, т. е. дозволивъ превосходному непріателю утвердиться въ немъ, легче было отбить укрѣпленіе обратно, нежели защищаться въ самомъ укрѣпленіи, этого мы рѣшительно не понимаемъ и считаемъ это весьма труднымъ. По нашему мнѣнію, только сомкнутое укрѣпленіе даетъ возможность удерживаться гарнизону съ надеждою на успѣхъ противъ усилій превосходнаго непріателя. Гарнизонъ, будучи обезпеченъ отъ обходной атаки непріателя, весь почти и въ совокупности, можетъ обратить всѣ свои усилія для противодѣйствования непріательской атакѣ спереди и дожидаться прибытія резервовъ. Если непріатель рѣшится атаковать сомкнутое укрѣпленіе съ горжи, то, не говоря уже про то, что горжа сама по себѣ составитъ ему преграду, которую храбрый гарнизонъ можетъ сдѣлать весьма трудно одолимою, такъ что резервы обороняющаго будутъ имѣть время подойти на подкрѣпленіе, артиллерія сомкнутаго укрѣпленія, дѣйствіемъ своимъ, разстроивая непріательскіе резервы, не дозволитъ имъ подкрѣпить тѣ войска, которыя бросились на тылъ укрѣпленія. Открытое сзади укрѣпленіе не имѣетъ этихъ свойствъ: гарнизонъ его, подвергаясь нападенію со всѣхъ сторонъ, неминуемо будетъ разъединенъ и весьма легко можетъ быть подавленъ превосходствомъ непріательскихъ силъ, до прибытія резервовъ осажденнаго. Словомъ, по нашему мнѣнію, сомкнутое укрѣпленіе даетъ возможность оставить для обороны какого нибудь пункта меньшее число войскъ, нежели то, которое бы нужно было для защиты открытаго укрѣпленія и дѣйствія этихъ войскъ, въ сомкнутомъ укрѣпленіи легче, нежели въ открытомъ.

Мы уже сказали, что ссылаемся на обѣ наши статьи о Севастополѣ относительно болѣе подробныхъ объясненій о горжахъ. Скажемъ только здѣсь, что мы не понимаемъ фортификаціи, на-

значенной особо для русскаго, а особо для французскаго солдата. Фортификація есть наука, выводящая свои правила изъ опыта всѣхъ вообще осадъ; это есть общее достояніе всѣхъ. Что изъ этихъ правилъ примѣнимо или нѣтъ, на это должны указывать мѣстность и обстоятельства, а не любовь или антипатія солдатъ, тѣмъ болѣе, когда эта послѣдняя происходитъ отъ *невѣжества*. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе. Такимъ образомъ, утвердившаяся, выработанная опытами идея укрѣпленія одинаково идетъ для всѣхъ благоустроенныхъ армій. Можно соображаться съ особыми свойствами дѣйствія различныхъ армій. Можно для этого дѣлать нѣкоторыя примѣненія, но никогда не измѣнять идеи укрѣпленія. Такъ, на примѣръ, осажденные въ крѣпости турки главнѣйшимъ средствомъ обороны до сихъ поръ считали вылазки. Чтобы облегчить этотъ способъ обороны, могутъ инженеры устраивать большее число выходовъ или дѣлать ихъ шире, но не станутъ измѣнять общей системы укрѣпленія, ежели она вызвана мѣстностью. Вѣроятно, и французы, принявъ для обороны Камышевой бухты систему сомкнутыхъ укрѣпленій, согласовались главнымъ образомъ съ требованіями мѣстности, а не съ повѣрьями своихъ солдатъ. Изъ статьи же г. Артиллериста видно, что онъ того мнѣнія, будто должна существовать какая-то особенная наука укрѣпленія, примѣненная къ повѣрьямъ русскаго солдата, и отъ этихъ-то повѣрій долженъ главнымъ образомъ исходить выборъ того или другаго способа укрѣпленія. Трудно основываться на повѣрьяхъ. Вѣдь есть же повѣрье у насъ, что пуля дура, а штыкъ молодецъ: казалось бы, не слѣдовало такъ усиленно стремиться къ усовершенствованію пули дуры — оставаться бы вѣрными штыку-молодцу. Но нынѣ дѣлается иначе. Заводятся стрѣлковыя школы, стрѣльбища и внушается солдату мысль, что къ побѣдѣ равно ведутъ какъ вѣрная стрѣльба и умѣнье примѣниться къ мѣстности, такъ и натискъ штыковъ.

Мы съ вами, г. Артиллеристъ, рѣшительно расходимся въ понятіяхъ о духѣ русскаго солдата. Мы увѣрены въ непреложности той мысли, что храбрый русскій баталіонъ скорѣе умретъ на пушкахъ, нежели оставить укрѣпленіе. Согласны, что въ духѣ русскаго солдата болѣе полевыя битвы, нежели оборона крѣпости, но все-таки это не помѣшало ему быть героемъ въ Севастополѣ. И вотъ, основываясь на повѣрьяхъ и знаніи духа русскаго солдата, г. Артиллеристъ говоритъ: «Вездѣ горжи были

брошены.... Русскій солдатъ не жалуется тыльныхъ укрѣпленій: они не согласны съ его духомъ и повѣрьями. Еще при самой постройкѣ горжѣ, сначала шопотомъ, а потомъ громко, говорили солдаты: зачѣмъ строятъ намъ западни?»

Что вы хотѣли сказать, г. Артиллеристъ, гѣмъ, что горжи вездѣ были брошены? Сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, ни одно изъ севастопольскихъ укрѣпленій не было 27 августа атаковано съ горжи.

Мы пробывли довольно долго съ русскимиъ солдатомъ въ Севастополѣ, отбыли съ ними нѣсколько бомбардировокъ и два штурма; ежедневно имѣли мы на работахъ довольно значительныя части пѣхоты различныхъ полковъ; наконецъ, живя въ одномъ съ солдатами блиндажѣ и будучи отъ нихъ отдѣлены тонкою перегородкою изъ досокъ, имѣли мы случай слышать ихъ разговоры, толки и сужденія и увѣряемъ васъ, г. Артиллеристъ, что намъ никогда не пришлось слышать, чтобы солдаты называли сомкнутое укрѣпленіе *западнею* (*), и только изъ вашей статьи мы впервые узнали, будто солдаты «сначала шопотомъ, а потомъ громко говорили: зачѣмъ строятъ намъ западни?»

Никогда въ Севастополѣ намъ не удавалось слышать, чтобы кто либо былъ одного съ г. Артиллеристомъ мнѣнія о духѣ русскаго солдата; никогда не слышали мы, чтобы кто либо изъ начальствующихъ лицъ рассчитывалъ, въ случаѣ непріятельскаго штурма, отступить, устроиться и потомъ выбивать непріятеля, т. е. дѣйствовать въ приписываемомъ г. Артиллеристомъ русскому солдату духѣ; а вотъ что мы слышали: «смотри, ребята, какъ только непріятель пойдетъ на штурмъ, живо на банкеты и стрѣляй батальнымъ огнемъ, пока онъ не до бѣжить до рва; какъ только опустился въ ровъ, вскакивай на валъ, полѣзай въ амбразуры, штыкомъ сбрасывай его въ ровъ и дерись до послѣдняго». Это, вы думаете, будетъ вѣрнѣе, нежели отступить, устраиваться и т. д.

Вѣдь вы, г. Артиллеристъ, взводите страшное обвиненіе на русскаго солдата. Вы не объяснили вашей мысли и даете поводъ

(*) Если солдаты называли Малахова курганъ западнею, то какже они называли Севастополь? Вѣдь тамъ есть еще проходъ, наконецъ можно вскарабкаться на валъ и выскочить изъ западни, а здѣсь горжу замѣняетъ цѣлая бухта, которой не переплывешь.

дѣлать весьма невыгодное о немъ заключеніе. Пусть будетъ это не русскій солдатъ, а какойнибудь другой; скажите, какое заключеніе вы бы сдѣлали о солдатѣ, который, входя для защиты въ сомкнутое укрѣпленіе, сказалъ бы: что, это меня посылаютъ въ западню! нѣтъ, лучше я отступлю изъ этой западни, оправлюсь и потомъ пойду ее отбивать. Не ясно ли, что у этого солдата не преобладаетъ мысль о защитѣ вѣреннаго ему поста до послѣдней капли крови? Нѣтъ, г. Артиллеристъ, вы не поняли духа русскаго солдата; а тотъ, кто его понялъ, тотъ совершенно иначе говорилъ. Потрудитесь вспомнить слова, сказанныя незабвеннымъ Корниловымъ войскамъ: «Царь надѣется, что мы стоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: назади насъ море, впереди непріятель... Помни же, не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретирату; тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретирату, и, если я самъ прикажу отступать, коли меня.» Вотъ это такъ въ духѣ русскаго солдата, и посмотрѣли бы вы, какое восторженное ура и энтузіазмъ были отвѣтомъ на эти прекрасныя слова. Такія-то мысли слѣдовало внушать русскому солдату, посылая его на защиту укрѣпленій: тогда онъ оставилъ бы приписываемую ему г. Артиллеристомъ мысль, что легче отступить изъ укрѣпленія и потомъ отнять его, нежели защищаться въ немъ.

Но положимъ, что между солдатами, дѣйствительно, были подобныя толки и что это дошло до свѣдѣнія баталіонныхъ и полковыхъ командировъ. По мнѣнію нашему, имъ бы слѣдовало стараться искоренить такое вредное повѣрье, и это не такъ трудно: можно было прочесть солдатамъ или повторить слова Корнилова, объяснить имъ, что они до послѣдней капли крови должны держаться и что если они будутъ исполнять долгъ свой, какъ честному и храброму солдату надлежитъ, то имъ рѣшительно должно быть все равно, что у нихъ сзади—горжа или нѣтъ.

Изложивъ духъ и повѣрья солдатъ и существовавшее, будто бы, отвращеніе ихъ къ горжѣ, г. Артиллеристъ вслѣдъ за этимъ говоритъ: «недовѣріемъ солдатъ къ горжѣ пренебрегать не слѣдовало, ибо эта нелюбовь принадлежала большинству, хотя, правда, и исходила отъ невѣжества». Совершенно согласны съ вами, пренебрегать не слѣдовало; все, что исходитъ отъ невѣжества, тьмы, есть вредъ и зло; его слѣдуетъ искоренить, и потому слѣдовало солдатъ разубѣрять въ ихъ ложныхъ и вредныхъ

убѣжденіяхъ. Но отрадно для насъ то, что г. Артиллеристъ ясно говоритъ, что недовѣріе солдатъ къ горжѣ исходило отъ невѣжества; жаль только, что нигдѣ въ своей статьѣ не упоминаетъ онъ о мнѣніи образованнаго класса арміи насчетъ сомкнутыхъ укрѣпленій, независимо отъ духа солдатъ, по которому имъ легче отступать, оправляться и т. д., нежели защищаться въ укрѣпленіи. Изъ вашей же статьи, г. Артиллеристъ, мы можемъ заключить, что вы противникъ горжи.

Но все это еще ничего въ сравненіи съ тѣми погрѣшностями, которыя авторъ сдѣлалъ, коснувшись своего спеціальнаго дѣла— артиллерійской обороны Севастополя, и надо пожалѣть, что г. Артиллеристъ не знакомъ съ фактами, по достовѣрности своей составляющими достояніе исторіи.

Но прежде, нежели станемъ отвѣчать на эту часть «Нѣсколькихъ словъ» г. Артиллериста, считаемъ нужнымъ сдѣлать небольшое поясненіе.

Подъ именемъ *личнаго свидѣтеля всѣхъ событій*, описанныхъ нами въ первой нашей статьѣ, разумѣемъ мы очевидцевъ всего нами сказаннаго; а подъ именемъ *защитники* Севастополя разумѣемъ мы гарнизонъ южной его стороны, въ тѣсномъ же смыслѣ всѣхъ тѣхъ, которые защищали оборонительную его линію. Прочія войска, бывшія въ Крыму, могутъ считаться участниками Крымской войны, но не защитниками Севастополя; по крайней мѣрѣ, таково наше мнѣніе. Такимъ образомъ, изъ артиллеристовъ защитниками Севастополя считаемъ мы вообще всѣхъ гг. офицеровъ, находившихся при оборонительной линіи и полевыхъ батареяхъ, бывшихъ на южной сторонѣ Севастополя и такъ славно участвовавшихъ въ отбитіи всѣхъ непріятельскихъ штурмовъ. Кромѣ того, равносильные защитники Севастополя были и всѣ артиллерійскіе генералы, командовавшіе въ Севастополѣ отрядами, а также и всѣ гг. артиллерійскіе офицеры, состоявшіе по особымъ порученіямъ при начальствующихъ. Естественно, что, читая «Нѣсколько словъ» г. Артиллериста и встрѣтивъ слова: *личный свидѣтель* и *защитникъ Севастополя*, родилось у насъ желаніе узнать, кто бы это былъ нашъ строгій судья, обвиняющій насъ и въ самоувѣренности и въ грѣхахъ противъ истины, публики и исторіи. Принимая въ настоящее время участіе въ составленіи описанія обороны Севастополя, мы имѣемъ

всѣ источники подъ рукою, имѣемъ именныя списки всѣхъ гг. артиллеристовъ, участвовавшихъ въ севастопольской оборонѣ. Разсмотрѣвъ эти списки, при помощи ключа, который намъ далъ самъ авторъ, сказавъ, что онъ *старый служивый*, мы пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Старыхъ артиллеристовъ было въ Севастополѣ весьма мало. Въ живыхъ остались только: генераль-лейтенантъ Хрулевъ, начальникъ артиллеріи Севастополя генераль-маіоръ Шейдеманъ (*) и начальникъ гарнизоновъ Южнаго артиллерійскаго округа генераль-маіоръ Пихельштейнъ. Всѣ остальные затѣмъ артиллеристы, защитники Севастополя, по времени ихъ службы, могутъ считаться молодыми офицерами. Но ни генераль-маіоръ Шейдеманъ, ни генераль-маіоръ Пихельштейнъ не скажутъ того, что говоритъ г. Артиллеристъ о матеріальныхъ средствахъ обороны Севастополя, ибо это противорѣчитъ ихъ донесеніямъ, на которыя мы будемъ опираться, а генераль-лейтенантъ Хрулевъ, лучше другихъ знакомый съ обороной Корабельной стороны, вѣроятно, не скажетъ о достаточности рабочихъ средствъ для исправленія огромныхъ поврежденій въ дни послѣдняго усиленнаго бомбардированія, тѣмъ болѣе, что онъ самъ рапортомъ просилъ объ увеличеніи гарнизона Корабельной стороны, дабы имѣть болѣе средствъ исправить эти поврежденія.

Послѣ всего этого, что же намъ остается заключить? Одно изъ двухъ: или г. Артиллеристъ маскируется словами *старый служивый*, или же, и всего вѣрнѣе (**), онъ не имѣлъ опредѣленной и постоянной должности въ Севастополѣ, а наблюдалъ за ходомъ обороны его съ Инкерманской, Телеграфической или другихъ окрестныхъ съ Севастополемъ высотъ. Въ такомъ случаѣ, едва ли можно сказать: «защитникъ Севастополя и личный свидѣтель всѣхъ описанныхъ авторомъ событій».

Теперь приступимъ къ разсмотрѣнію нашихъ погрѣшностей противъ истины въ дѣлѣ артиллерійской обороны Севастополя и

(*) Просимъ его превосходительство генераль-маіора Шейдемана извинить насъ, что мы его причислимъ къ старымъ артиллеристамъ: что же дѣлать, когда мы болѣе никого не нашли!

(**) Послѣдующія страницы покажутъ, что насъ заставляетъ употребить слова: всего вѣрнѣе.

разберемъ, на сколько истины въ вашихъ, г. Артиллеристъ, опроверженіяхъ.

На стр. 192-й вы говорите: «велико и могуче слово если бы». Великая истина: вотъ *если бы* вы познакомились съ артиллерійской обороной Севастополя, то вы бы избѣгли половины тѣхъ ошибокъ, на которыя мы будемъ вамъ указывать.

На стр. 194-й г. Артиллеристъ спрашиваетъ насъ, «кто эти господа нѣкоторые», мнѣнія которыхъ о причинахъ слабого дѣйствія артиллеріи Малахова кургана приведены въ нашей статьѣ, и потомъ восклицаетъ: «И кого разумѣли вы подъ именемъ артиллеріи Малахова кургана? Конечно, почтенныхъ начальниковъ батарей и знаменитую прислугу: офицеровъ и солдатъ, украшенныхъ георгиевскими крестами и славными равами. Нѣтъ, г. А. Орда, на Малаховомъ курганѣ не было трусовъ и малодушныхъ. Артиллерія Севастополя во всю эпоху осады служила безупречно, благодарное потомство, конечно, будетъ справедливѣе васъ и, благоговѣя передъ памятью храбрыхъ защитниковъ кургана, впишетъ имена и дѣянія ихъ золотыми буквами на страницахъ исторіи.»

Г. Артиллеристъ силится опровергнуть ту нашу мысль, которой мы никогда не могли высказать, ибо это было бы противъ нашихъ убѣжденій. Мы даже не понимаемъ, что дало ему поводъ заключить, будто мы хотѣли упрекнуть артиллерію въ недостаткѣ храбрости. Севастопольская оборона достаточно доказала всѣмъ вообще храбрость нашей артиллеріи, и мы, принадлежа къ числу защитниковъ Севастополя, не могли бы ни въ какомъ случаѣ говорить противное этому. Однако же, несмотря на то, мы остаемся при мнѣніи, что артиллерія Малахова кургана слабо дѣйствовала въ августѣ мѣсяцѣ и просимъ намъ разяснить причины этого. Мы вамъ сказали, что, по мнѣнію «нѣкоторыхъ», артиллерія Малахова кургана не хотѣла навлекать непріятельскихъ выстрѣловъ. Да, дѣйствительно, намъ это говорили; но мы никакого права не имѣемъ печатать фамиліи лицъ, съ которыми намъ приводилось говорить объ этомъ. Достоверно ли сказано, или нѣтъ, за это мы не ручаемся; но должны предупредить г. Артиллериста, что мы такъ хорошо знакомы съ храбрыми командирами батарей Малахова кургана, что, если бы и дѣйствительно сказали они намъ, что не хотятъ навлекать непріятель-

скихъ выстрѣловъ, то мы бы это приписали ничему другому, какъ только желанію сохранить свои орудія для штурма.

Замѣтимъ, однако, что могутъ быть случаи, когда, дѣйствительно, нѣтъ расчета поддерживать артиллерійскую пальбу. Такъ, напримѣръ, въ дни обыкновенной канонады въ Севастополѣ, по ночамъ, дѣйствовали преимущественно навѣснымъ огнемъ, при чемъ силу своего огня старались уравнивать съ силою непріятельскаго огня. По мѣрѣ того, какъ пальба непріятеля становилась слабѣе, и наша постепенно стихала. Болѣе усиленное наше дѣйствіе вызывало и сильнѣйшій непріятельскій огонь. Если же случалось, что около той изъ нашихъ батарей, которая дѣйствовала, шла спѣшная, усиленная работа, то, чтобы дать возможность двигаться этой работѣ безостановочно, старались не вызывать болѣе частыхъ выстрѣловъ непріятеля, а для этого, на время работъ, не только своихъ выстрѣловъ не усиливали, но, напротивъ, ослабляли и иногда совершенно прекращали пальбу. Примѣры этому встрѣчались на Камчатскомъ и Волынскомъ редутахъ. Во время усиленныхъ работъ въ этихъ редутахъ, случалось не разъ, что какъ только мортирная батарея, расположенная у редутовъ, начнетъ усиливать свой огонь по непріятельскимъ траншеямъ или батареямъ, то непріятель, имѣвшій на этихъ пунктахъ значительный перевѣсъ въ навѣсномъ огнѣ, обращая мало вниманія на выстрѣлы этихъ батарей, посылаетъ сразу какихъ нибудь 20 бомбъ во внутренность редута, гдѣ у насъ находится значительное число рабочихъ, и наноситъ намъ большой вредъ въ людяхъ и сильно замедляетъ нашу работу. Мы имѣли возможность отвѣтить на подобный залпъ лишь нѣсколькими только бомбами, которыя сейчасъ же влекли за собою огромное число отвѣтныхъ непріятельскихъ бомбъ, большая часть которыхъ летѣла въ редутъ, не открывавшій вовсе огня. Въ такихъ-то случаяхъ предпочитали дѣйствовать болѣе слабымъ огнемъ и даже совсѣмъ прекращать его, именно съ тою цѣлью, чтобы не навлекать выстрѣловъ непріятельскихъ батарей на рабочихъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что командиры нашихъ батарей не были храбры.

Но, повторяемъ, все это было въ дни обыкновенной канонады. Примѣнимо ли это къ днямъ усиленной канонады и бомбардированій, когда, по нашему мнѣнію, батареи обороняющаго должны, не обращая вниманія ни на что, дѣйствовать сколь возможно

усиленіе, дабы хотя нѣсколько ослабить осадныя батареи и тѣмъ, хотя отчасти, устранить быстрое разрушеніе крѣпостныхъ верковъ и ихъ вооруженія—предоставляемъ рѣшить гг. артиллеристамъ. Скажемъ только, что въ послѣдніе дни обороны Севастополя превосходство непріятельскаго огня на Малаховѣ курганѣ было столь огромное, что, по нашему убѣжденію, съ 24-го августа на курганѣ всякая идея артиллерійской обороны была потеряна. Непритель, послѣ каждаго нашего выстрѣла, удваивалъ силу своего огня, и тогда, можетъ быть, и не оставалось ничего другаго, какъ ослаблять свой огонь, дабы этимъ, хоть сколько нибудь, сохранить свои орудія и артиллерійскую прислугу до послѣдней минуты штурма и хотя отчасти избѣгнуть страшныхъ потерь въ гарнизонѣ.

Причинъ такого страшнаго перевѣса непріятеля въ силѣ огня нужно доискиваться въ событіяхъ, предшествовавшихъ 24-му августа, когда дѣйствія артиллеріи Малахова кургана, по нашему убѣжденію, не были всегда безупречны.

Прочтите приказъ по севастопольскому гарнизону отъ 6-го августа, за № 279: графъ Остенъ-Сакенъ, благодаря артиллерію всѣхъ отдѣленій за дѣйствіе ея въ бомбардировку, бывшую 5-го августа, тѣмъ не менѣе, оканчиваетъ этотъ приказъ слѣдующими словами: «не могу не замѣтить, что при началѣ канонады правый фасъ Малахова кургана упустилъ немедленное открытіе огня для содѣйствія батареямъ 3-го отдѣленія». Согласитесь, что если дѣло дошло до приказа, то, ужь вѣрно, Малаховъ курганъ не безупреченъ; а если вы были сами очевидцемъ, то вспомните эти дни и, конечно, вмѣстѣ съ нами, скажете, что Малаховъ курганъ бывалъ неоднократно въ долгу у 3-го бастіона, который ему такъ усердно помогалъ. Но можно ли изъ этого приказа сдѣлать выводъ, что командиры батарей праваго фаса Малахова кургана не храбры? Нисколько. Они довольно имѣли случаевъ доказать свою храбрость.

Странно, зачѣмъ г. Артиллеристъ старается убѣдить насъ, что «артиллерія Севастополя во всю эпоху осады служила безупречно». Да не мы ли сами говоримъ въ нашей статьѣ: что Малаховъ курганъ до августа мѣсяца дѣйствовалъ весьма успѣшно, что 3-й и 2-й бастіоны дѣйствовали такъ, какъ только можно требовать, въ особенности 2-й бастіонъ, который былъ подверженъ чрезвычайно сильному огню непріятеля, часто уничтожаемъ

былъ непріятельскими снарядами. Этотъ—то 2-й бастионъ дѣйствовалъ отлично и не упускалъ ни малѣйшей возможности для открытія огня. Скажите же, какая намъ причина упрекать Малаховъ курганъ, а превозносить 2-й и 3-й бастионы?

Голословно выражаться въ статьяхъ спеціальнаго содержанія и неумѣстно и непозволительно, и мы бы не рѣшились сказать, что артиллерія Малахова кургана дѣйствовала слабѣе прочихъ бастионныхъ, если бы не имѣли на это основанія. А что это дѣйствительно такъ было, такъ вотъ факты, составляющіе достояніе исторіи.

На вооруженіи 4-го отдѣленія (Малаховъ курганъ, Жерве и Никифорова и друг. батареи) оборонительной линіи состояло 113 орудій; изъ нихъ назначены были для дѣйствованія по непріятельскимъ батареямъ и подступамъ 92. На 5-мъ отдѣленіи (2-й бастионъ, Генриха, Парижская, Лабораторныя и друг. батареи) было всего 80 (*) орудій; изъ нихъ назначались для дѣйствованія по непріятельскимъ подступамъ и батареямъ—60. Теперь выпишемъ сравнительную таблицу ежедневнаго расхода снарядовъ:

(*) Въ вѣдомости, представленной генералъ-маіоромъ Шейдеманомъ, о числѣ орудій, находившихся на батареяхъ севастопольской оборонительной линіи къ 27 августа, показано:

	На 4-мъ отдѣл.	На 5-мъ отдѣл.
Пушекъ 68 фунтовыхъ	10	3
— 36 —	22	12
— 24 —	7	5
— 18 —	—	2
— карронадъ 36 фунтовыхъ	2	2
— — 24 —	37	19
Карронадъ 24 фунтовыхъ	1	1
— 18 —	2	8
— 12 —	4	1
— 8 —	—	1
Фальконетовъ 3 фунтовыхъ	2	—
Единороговъ 1 пудовыхъ	4	4
— 1/2 —	—	11
Мортиръ 5 пудовыхъ	6	3
— 2 —	3	4
— 1/2 —	4	4
Итого	113	80
Изъ нихъ дѣйствуютъ по непріятелю	92	60

	На 4-мъ отдѣл.	На 5-мъ отдѣл.
Съ пяти часовъ утра 1-го по пять часовъ		
2-го августа	557	662
3-го —	574	537
4-го —	645	362
5-го —	533	280
6-го —	1,752	662
7-го —	340	208
8-го —	860	680
9-го —	529	841
10-го —	724	1,061
11-го —	477	1,325
12-го —	647	919
13-го —	722	928
14-го —	531	837
15-го —	624	569
16-го —	539	1,037
17-го —	439	653
18-го —	468	966
19-го —	754	805
20-го —	481	1,066
21-го —	591	1,239
22-го —	489	987
23-го —	468	1,000
24-го —	481	938
25-го —	580	1,236
26-го —	600	932
27-го —	Не имѣется свѣдѣнія.	
Итого	15,405	21,274

Слѣдовательно, на орудіе среднее число выстрѣловъ выходитъ 167 354

Между тѣмъ, какъ 4-е отдѣленіе играло важнѣйшую роль въ оборонѣ.

Не забудьте, что 5-е отдѣленіе, а особенно 2-й бастионъ и прилежащія къ нему батареи выдерживали чрезвычайно сильный непріятельскій огонь: бывали дни, какъ, напр., съ 20-го на 21-е августа, когда *всѣ* амбразуры 2-го бастиона были засыпаемы, но едва сдѣлано было исправленіе, какъ бастионъ этотъ открывалъ огонь.

Приведемъ теперь нѣсколько донесеній завѣдывавшихъ инженерными работами, какъ съ 5-го, такъ и съ 4-го отдѣленія, и посмотримъ, что въ нихъ сказано о замедленіи въ ходѣ непріятельскихъ работъ, вслѣдствіе дѣйствія нашей артиллеріи.

Съ 5-го отдѣленія.

Въ донесеніи съ 9-го на 10-е августа 3-го сапернаго баталіона капитанъ (нынѣ полковникъ) Лебедевъ доносилъ: «Непріятель сдѣлалъ въ 50 саж. отъ 2-го бастіона новую овальную траншею. Сегодня эту траншею до половины мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ разрушили съ батареи Парижской, и еще производится пальба ядрами, чтобы еще болѣе траншею разрушить. Батарея у лабораторіи также помогаетъ бастіону въ разрушеніи непріятельской овальной траншеи.»

Въ донесеніи отъ 12-го августа сказано: «Работы непріятеля подвинулись впередъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прошедшія сутки, что нужно приписать какъ разрушенію огнемъ артиллеріи со 2-го бастіона части сапы, такъ и удачному бросанію гранатъ изъ мортиръ 2-го же бастіона.»

Въ донесеніи отъ 17-го августа сказано: «Работы непріятельскія противу 2-го бастіона почти не подвинулись впередъ; въ передней траншеѣ онъ даже не успѣлъ исправить нанесенныхъ ему поврежденій, причиною чему — сосредоточенный огонь артиллеріи на непріятельскую сапу.»

Въ донесеніи отъ 19-го августа говорится: «Непріятельскія работы не подвинулись впередъ; только прежде сбитые мѣшки приведены въ порядокъ.»

Въ донесеніи отъ 21-го августа за этотъ день и вмѣстѣ за 20-е августа сказано: «Изъ середины передней траншеи передъ 2-мъ бастіономъ непріятель вчера еще въ ночь вывелъ двойную сапу, которою прошелъ только $1\frac{1}{2}$ сажени; вчерашняго же дня она была совершенно разбита, такъ что въ эту ночь онъ едва успѣлъ исправить и подался впередъ на два тура, теперь же цѣла только правая сторона сапы, лѣвая совершенно разбита.»

Въ донесеніи отъ 22-го августа сказано: «Непріятельскія работы противу 2-го бастіона, отъ успѣшнаго дѣйствія нашей артиллеріи, нисколько впередъ не подвинулись. Непріятель едва успѣлъ сдѣлать поправки въ поврежденіяхъ, сдѣланныхъ вчерашняго дня; сапа, идущая къ Малахову кургану, даже не исправлена.»

Въ донесеніи отъ 24-го августа сказано: «Работы непріятельскія противъ 2-го бастіона впередъ не подвинулись, чему причиною успѣшное дѣйствіе нашей артиллеріи.»

То же самое повторяется и въ донесеніяхъ начальника 5-го отдѣленія, капитанъ-лейтенанта Ильинскаго. Изъ этого видно, что 5-е отдѣленіе, выдерживая страшный огонь, не только боролось съ непріятельскими батареями, но и сильно вредило успѣху непріятельскихъ траншейныхъ работъ.

Ничего подобнаго не видимъ въ донесеніяхъ съ Малахова кургана. Въ инженерномъ донесеніи съ 9-го на 10-е августа, 4-го сапернаго баталіона капитанъ (нынѣ подполковникъ) Матвѣевъ доносилъ: «Непріятель продолжалъ обсыпать землю туры своей новой траншеи.»

Въ донесеніи отъ 12-го августа говорится: «Непріятель изъ ложементъ своего передъ соединеніемъ Корнилова бастіона съ лѣвою оборонительною линіею вывелъ тихую двойную сапу, длиною въ пять сажень, и изъ передней траншеи противъ Никифорова батареи (у рогатки) вышелъ сапою и дугообразно заворотомъ отъ себя вправо заложилъ ложементъ.»

Въ донесеніи отъ 17-го августа говорится: «Впродолженіе ночи непріятель изъ траншеи ниже 10-пушечной батареи вывелъ новую траншею и сапами двѣ вѣтви.»

Въ донесеніи отъ 19-го августа сказано: «Непріятель вывелъ довольно толстую и высокую насыпь, длиною около пятнадцати сажень, и соединилъ ее съ задними траншеями», и т. д.

Но г. Артиллеристъ могъ бы сдѣлать возраженіе, что инженеры на Малаховомъ курганѣ были пристрастны къ артиллеристамъ и нарочно ничего не упоминали въ своихъ донесеніяхъ о вредѣ, нанесенномъ непріятельскимъ работамъ дѣйствіемъ артиллеріи Малахова кургана; поэтому заглянемъ въ донесенія начальниковъ 4-го отдѣленія.

Капитанъ 1-го ранга Кернъ доносилъ отъ 20-го августа: «Траншея, ведущая къ бастіону № 2, продолжена сажень на 10. Сапа лѣвѣе башни продолжена впередъ сажень на 7. Ближайшая параллель впереди башни продолжена тоже на 10 сажень.»

Отъ 21-го августа доносилъ: «Передовая параллель продолжена отъ сапы въ обѣ стороны сажень на 8 и на концѣ поставлены ложементы. Какъ передовая, такъ и вторая параллель значительно утолщена и возвышена. Сапа продолжена впередъ сажень на 7.»

Отъ 22-го августа доносили: «На углу, гдѣ соединяется вторая параллель съ сапой передъ башней, сдѣланъ ложементъ изъ мѣшковъ. Сапа лѣвѣ башни и траншея, идущая отъ нея къ Доковому оврагу и къ бастиону № 2, нѣсколько увеличены и значительно утолщены.»

Отъ 24-го августа доносили: «Сапа лѣвѣ башни продолжена сажень на 5, туры засыпаны и сверху покрыты мѣшками. Траншея, идущая къ бастиону № 2, значительно увеличена и утолщена. Правѣ 10-пушечной батареи открыли 4 новыя амбразуры. Вообще всѣ траншеи утолщены.»

Ни у кого, нигдѣ ни полслова о томъ, что артиллерія 4-го отдѣленія замедляла производство непріятельскихъ работъ; ни полслова о поврежденіяхъ, произведенныхъ въ непріятельскихъ насыпяхъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи; наконецъ, ни полслова о томъ, что непріятель исправлялъ поврежденія въ своихъ траншеяхъ... словомъ, ничего подобнаго тому, что видимъ въ донесеніяхъ съ 5-го отдѣленія. Согласитесь, г. Артиллеристъ, что если бы въ августѣ мѣсяцѣ артиллерія Малахова кургана замедляла работы непріятеля такъ, какъ это было на 5 отдѣленіи, то, ужъ вѣрно, начальники 4-го отдѣленія не преминули бы упомянуть объ этомъ въ своемъ донесеніи, а то, какъ на бѣду, ни въ одномъ изъ ихъ донесеній нѣтъ этого. Неужели и они были пристрастны къ артиллеріи?

Все, что мы говорили про 5-е отдѣленіе, можемъ мы сказать и про 3-е.

Послѣ всего этого рѣшите, г. Артиллеристъ, не были ли мы вправѣ утверждать, что артиллерія Малахова кургана дѣйствовала слабѣ прочихъ бастионовъ оборонительной линіи?

На стр. 194 и 195 г. Артиллеристъ говорить: «Кому неизвѣстно, что непріятели наши, владея моремъ и имѣя въ распоряженіи своемъ огромныя морскія силы, имѣли и огромныя средства доставлять порохъ и снаряды на мѣсто осады, такъ что они имѣли возможность бросать въ Севастополь *ежедневно отъ 50 до 75,000 разныхъ снарядовъ*; мы же, Русскіе, получали порохъ и снаряды сухимъ путемъ изъ крѣпостей Дунайскаго, Южнаго и Кіевскаго округовъ, или отъ второлінейныхъ парковъ, но, несмотря на такую даль и затруднительный подвозъ запасовъ по крымскимъ дорогамъ, *недостатка въ порохъ и снарядяхъ никогда не было*», и затѣмъ выражаетъ мысль, что отно-

сительно снабженія Севастополя боевыми запасами оборона *никогда не доходила до крайняго положенія.*

Въ первой половинѣ этой выписки г. Артиллеристъ выразился неясно и неточно: какъ понять слова, что союзники могли *ежедневно* бросать отъ 50 до 75,000 снарядовъ? Если бы мы хотѣли придираться къ словамъ, то поняли бы это выраженіе такъ, что союзники могли бросать отъ 50 до 75,000 снарядовъ если не все время осады, то, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе 327 дней, считая съ открытія нами огня, или же въ продолженіе августа мѣсяца, и тогда вывели бы заключеніе, что, принимая среднее число выстрѣловъ въ день 62,500 и полагая зарядъ круглымъ счетомъ въ восемь фунтовъ, въ первомъ случаѣ союзники могли бы сжечь пороха 4,087,500 пудовъ, то есть количество пороха, которое на всемъ земномъ шарѣ навѣрное не имѣется въ наличности, а во второмъ случаѣ, что они сожгли пороху 25,000 пудовъ болѣе, нежели количество дѣйствительно ими сожженного пороха во всю осаду, показаннаго на 444 страницѣ сочиненія Ниеля (Siège de Sebastopol), около 250,000 пудовъ. Но мы не хотимъ возставать противъ неточности изложенія г. Артиллериста и поэтому полагаемъ, что подъ словомъ *ежедневно* онъ, вѣроятно, разумѣлъ послѣдніе три дня обороны Севастополя, то есть 24, 25 и 26 августа, когда, дѣйствительно, союзники бросили въ Севастополь и на оборонительную его линію отъ 50 до 75,000 разныхъ снарядовъ.

Обратимся теперь ко второй половинѣ сдѣланной нами выписки. Въ ней авторъ положительно утверждаетъ, что въ Севастополѣ «недостатка въ порохѣ и снарядахъ никогда не было» и что въ этомъ отношеніи оборона его «никогда не доходила до крайняго положенія». Заглянемъ въ официальные документы.

7-го и 8-го апрѣля 1855 года, полковникъ (нынѣ генералъ-майоръ Шейдеманъ), въ ежедневныхъ вѣдомостяхъ о состояніи матеріальной части вооруженія, въ графѣ о количествѣ пороха въ запасѣ, въ складахъ, доноситъ отъ 7-го апрѣля: «Пороха въ запасѣ не имѣется и расходъ 6-го апрѣля пополнить не имѣется возможности»; а отъ 8-го апрѣля: «Пороха въ запасѣ не имѣется и расходъ за 6-е и 7-е апрѣля изъ запасовъ не пополняется.»

Конечно, и этого достаточно; но мы вамъ, г. Артиллеристъ, представимъ болѣе разительное доказательство: во второе бомбардированіе, крайность принудила разряжать ружейные патроны и дѣлать изъ нихъ заряды — это также фактъ, достояніе

исторіи, и живѣ еще офицеръ, который производилъ эту операцію: это капитанъ (нынѣ подполковникъ) морской артиллеріи Пестичъ.

Можно ли послѣ этого утверждать, что «недостатка въ порохѣ никогда не было» и что Севастополь *никогда* не былъ въ крайнемъ положеніи относительно снабженія боевыми припасами?

Показанія г. Артиллериста о запасѣ пороха въ Севастополѣ къ 24-му августа также не согласуются съ донесеніемъ генералъ-маіора Пихельштейна. Г. Артиллеристъ, на 195 страницъ, говоритъ, что къ 24-му августа находилось *запаснаго* пороху: «въ Михайловскомъ укрѣпленіи до 7,000 пудовъ, въ Павловскомъ фортѣ отъ 2 — 3,000 пудовъ; столько же въ Николаевскомъ; въ подвижныхъ запасныхъ артиллерійскихъ паркахъ свыше 4,000 пудовъ и въ складахъ симферопольскихъ до 25,000 пудовъ.» Изъ этого слѣдуетъ, что въ самомъ Севастополѣ находилось въ запасѣ пороха отъ 11 до 13,000 пудовъ. Посмотримъ теперь, что доносить объ этомъ генералъ-маіоръ Пихельштейнъ. Въ вѣдомости, представленной имъ въ штабъ начальника артиллеріи 25-го августа, значится: что въ Севастопольскомъ артиллерійскомъ гарнизонѣ къ 24-му августа состояло пороху:

Пушечнаго	5,186 пуд.	13	ф.
Мушкетнаго крупнаго.	1,406 —	28	—
— мелкаго	1,652 —	6 $\frac{1}{2}$	—
Винтовочнаго	1,521 —	33	—
	<hr/>		
	Всего	9,767 пуд.	$\frac{1}{2}$ ф.

Въ расходѣ:

Отпущено въ инженерное вѣдомство: пушечнаго	12 пуд.
Въ морское вѣдомство: мушкетнаго крупнаго	1,000 —
На оборонительную линію: мушкетнаго крупнаго	3 —
Въ лабораторію: мушкетнаго крупнаго	200 —
	<hr/>
	И того 1,215 пуд.

Затѣмъ къ 25-му августа состоитъ:

Пушечнаго	5,174 пуд.	13	ф.
Мушкетнаго крупнаго	203 —	28	—
— мелкаго	1,652 —	6 $\frac{1}{2}$	—
Винтовочнаго	1,521 —	33	—
	<hr/>		
	Всего	8,552 пуд.	$\frac{1}{2}$ ф.

Ожидается въ доставленіи:

Пороху изъ Шостенскаго пороховаго завода по мѣрѣ выдѣлки.

Итакъ, за исключеніемъ мушкетнаго мелкаго и винтовочнаго, собственно на заряды для орудій, вечеромъ 24-го августа оставалось: 5,378 пудовъ и 1 фунтъ, или на 26,890 зарядовъ. Было еще въ морскомъ вѣдомствѣ 4,100 пудовъ; но этотъ порохъ въ эти же сутки былъ израсходованъ на заряды. Чтò же касается до запаса 4,000 пудовъ пороху подвижныхъ запасныхъ парковъ, то мы полагаемъ, что на него разсчитывать нельзя было осажденному, потому что подвижные парки пополняютъ расходъ полевыхъ батарей, а мы должны были всегда ожидать, что непріятель начнетъ наступательныя дѣйствія въ полѣ, и что мы принуждены будемъ дать не одну жаркую битву, чтобы не дозволить окружить Севастополь. Относительно 25,000 пудовъ пороха симферопольскихъ складовъ, мы замѣтимъ только, что если принять цифру эту за справедливую, то является вопросъ, почему генераль-маіоръ Пихельштейнъ въ вѣдомостяхъ своихъ говорить: «ождается въ доставленіи пороху изъ Шостенскаго пороховаго завода по мѣрѣ выдѣлки», тогда какъ проще было бы пополнять расходъ изъ Симферополя.

Вообще г. Артиллеристъ указываетъ на избытокъ пороха; судя же по донесеніямъ генераль-маіора Пихельштейна, избытка не было, и мы не могли отвѣчать непріятелю такимъ же, чтò и онъ, числомъ выстрѣловъ. Въ послѣдніе три дня бомбардированія, непріятель, дѣйствительно, бросалъ отъ 50 до 75,000 снарядовъ, у насъ же всего въ запасѣ было къ 24-му августа (если взять въ разсчетъ весь мушкетный и винтовочный порохъ) 9,767 пуд. и $\frac{1}{2}$ ф., то есть, полагая зарядъ въ 8 фунтовъ, на 48,835 выстрѣловъ. Расходовать же положенные на орудіе 140 зарядовъ (*) можно было не иначе, какъ надѣясь пополнить ихъ на другой день. Предоставляемъ рѣшить г. Артиллеристу, могли ли мы разсчитывать на подвозъ пороху по 10,000 пудовъ ежедневно, хотя бы въ продолженіе недѣли.

(*) На оборонительной линіи имѣлось при каждомъ орудіи по 140 зарядовъ; изъ нихъ 50 полагались исключительно для штурма. Чтобы отвѣтить непріятелю 50,000 выстрѣловъ, положимъ, изъ 500 только орудій, потребно въ продолженіе двухъ дней по 200 зарядовъ на орудіе, а въ дѣйствительности было по 90 при орудіяхъ оборонительной линіи (кромѣ 50 для штурма) и по 97 въ запасѣ.

Перейдемъ теперь къ снарядамъ. Здѣсь насъ немало удивляетъ, какимъ это образомъ г. Артиллеристъ, «личный свидѣтель всѣхъ описанныхъ нами событій, защитникъ Севастополя», могъ сказать, что «недостатка въ снарядахъ ннкогда не было», тогда какъ едва ли найдется другой артиллеристъ—Севастополецъ, который бы не сознавалъ этого недостатка? Да объ этомъ только и говорили въ августѣ мѣсяцѣ, а высшее артиллерійское начальство крымской арміи изоощряло всѣ свои способности и энергію, чтобы хотя сколько нибудь умалить зло, проистекавшее отъ этого недостатка. Для лучшаго убѣжденія г. Артиллериста, мы приводимъ слѣдующія выписки изъ официальныхъ бумагъ.

Въ докладной запискѣ генераль-маіора Шейдемана, начальнику штаба артиллеріи генераль-маіору Крыжановскому, отъ 5-го августа, между прочимъ, сказано: «Веденіе ближайшихъ непріятельскихъ подступовъ частью остановлено и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замедлено единственно дѣйствительностью стрѣльбы нашей пустотѣлыми снарядами, которыхъ, при усиленномъ дѣйствіи, въ настоящее время расходовалось ежедневно отъ 2 до 3,000. Нынѣ потребность въ этихъ снарядахъ та же; но, сравнительно съ расходомъ, запасъ ихъ ничтоженъ, и если на дняхъ не прибудетъ транспортъ пустотѣлыхъ снарядовъ, то дѣйствіе ими должно прекратиться. Производившаяся съ большимъ успѣхомъ пальба $\frac{1}{4}$ пудовыми единорогами сегодня совершенно прекратилась, по неимѣнію снарядовъ этого калибра. Кромѣ того, въ гарнизонѣ большой недостатокъ бомбовыхъ и гранатныхъ трубокъ. При гарнизонѣ ежедневно готовится отъ 500 до 600 трубокъ, по расчету доставлялось изъ полевыхъ батарей по 200 въ сутки, итого до 800, а потребно для ежедневнаго расхода отъ 2,000 до 3,000; доставленные же изъ разныхъ мѣстъ трубки нынѣ уже израсходованы.»

Изъ приложенной къ этой докладной запискѣ вѣдомости о запасѣ пустотѣлыхъ снарядовъ оказывается: что 5 пудовыхъ бомбъ имѣлось только 1,086, 3-пудовыхъ только 1,659, $\frac{1}{4}$ -пудовыхъ гранатъ только 200, а 2-пудовыхъ бомбъ и 6-фунтовыхъ гранатъ ни въ сухопутномъ, ни въ морскомъ вѣдомствѣ не имѣлось вовсе.

Въ отзывѣ графа Остенъ-Сакена къ генераль-лейтенанту Сергѣево-Путловскому отъ 7-го августа, за № 1,457, между прочимъ, говорится: «... Въ Севастополѣ имѣется ничтожный запасъ пу-

стотѣльныхъ снарядовъ, и если въ скоромъ времени не придутъ новые транспорты, то стрѣльба бомбами и гранатами должна прекратиться, что будетъ имѣть непосредственное вліяніе на огромное увеличеніе потери людей и успѣхъ обороны Севастополя».

Въ отвѣтъ на этотъ отзывъ, генералъ-лейтенантъ Сергпутовскій, отъ 11-го августа, за № 6.072, донося начальнику севастопольскаго гарнизона, что имъ употребляются всѣ мѣры къ скорѣйшему и безостановочному снабженію Севастополя снарядами и что таковыя ожидаются изъ Дубовки, Ростова, Брянска, Луганя и Кіева» (*), далѣе говоритъ слѣдующее: «Хотя этими ожиданіями все еще Севастополь не будетъ обезпеченъ, но въ моемъ распоряженіи другихъ источниковъ и средствъ не состоятъ, ибо Луганскій литейный заводъ и безъ того уже чрезмерно обремененъ заказами, а изъ всѣхъ крѣпостей Дунайскаго и Южнаго округовъ, а частью и изъ Кіева, уже вывезены всѣ снаряды, какіе можно было вывезти, не лишивъ ихъ вовсе средствъ къ оборонѣ при возможности нападенія.» Затѣмъ генералъ-лейтенантъ Сергпутовскій, донося, что онъ просилъ Артиллерійскій департаментъ о поспѣшнѣйшей доставкѣ въ Севастополь снарядовъ изъ какихъ либо дальнѣйшихъ складовъ или крѣпостей, внутри имперіи находящихся, присовокупляя, что средства, состоявшія въ его распоряженіи, нынѣ уже совершенно истощены и что расходъ нѣкоторыхъ снарядовъ такъ великъ (напримѣръ, $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ до 2,400 въ сутки, то есть 72,000 въ мѣсяцъ), что «средства всей Европы были бы недостаточны ни для приготовленія, ни для доставки такого количества снарядовъ».

Изъ докладной записки генералъ-маіора Шейдемана генералъ-маіору Крыжановскому, отъ 13-го августа, оказывается: что, для уничтоженія двойной сапы противъ 2-го бастіона, главнокомандующій, князь Горчаковъ, желалъ выпустить 13-го августа по 100 гранатъ изъ 24-полупудовыхъ мортиръ; но жела-

(*) Изъ вѣдомости о транспортахъ снарядовъ, ожидавшихся изъ различныхъ мѣстъ, приложенной къ этому рапорту, оказывается: что 3-пуд. бомбы числомъ 6,600 ожидались не позже, какъ чрезъ 30 дней, 2-пуд. бомбы числомъ 8,094 (изъ которыхъ 3,000 приказано было отправить на срочныхъ подводахъ) должны были прибыть не позже, какъ чрезъ 20 дней, 6-ф. гранаты не позже, какъ чрезъ 15 дней, время же прибытія $\frac{1}{4}$ -пуд. гранатъ не было извѣстно, но 1,000 $\frac{1}{4}$ -пуд. гранатъ должны были прибыть на дняхъ.

ние его сѣятельства не можетъ быть приведено въ исполненіе, ибо для сего потребуется 2,400 снаряженныхъ гранатъ, чего артиллерійскій гарнизонъ не въ состояніи приготовить къ вечеру, а потому будетъ произведено лишь по 30 выстрѣловъ изъ означенныхъ мортиръ.» При семъ генераль-маіоръ Шейдеманъ присовокуплялъ: «что, для приготовления 2,400 полупудовыхъ гранатъ въ сутки, должно приостановить всѣ прочія работы, и за симиъ расходомъ остается въ запасѣ полупудовыхъ гранатъ только 3,400.»

Изъ докладной записки генераль-маіора Шейдемана генераль-маіору Крыжановскому, отъ 21-го августа, оказывается, что начальникъ гарнизона, имѣя въ виду недостатокъ пустотѣльныхъ снарядовъ, а главное—невозможность вытачивать въ потребномъ числѣ трубокъ, назначилъ слѣдующее число снарядовъ для ежедневнаго расхода, которое, по словамъ генераль-маіора Шейдемана, «далеко не отвѣчало потребности»: на 1-е отдѣленіе $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ и 3-пудовыхъ бомбъ ни одной; 5-пудовыхъ — 20, а 1-пудовыхъ—60. На 2-е и 3-е отдѣленія: 5-пудовыхъ и 1-пудовыхъ бомбъ ни одной, а только по 100 $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ. На 4-е отдѣленіе: 5-пудовыхъ и 1-пудовыхъ бомбъ по 30, а $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ—200. Наконецъ, на 5-е отдѣленіе: 5-пудовыхъ бомбъ—20, 1-пудовыхъ — 50, и гранатъ $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ—400.

Пусть скажетъ г. Артиллеристъ, чувствовало ли 1-е отдѣленіе недостатокъ въ снарядахъ, когда ему не давали ни одной $\frac{1}{2}$ -пудовой гранаты для дѣйствованія изъ мортиръ; а, между тѣмъ, тамъ находилось 12 $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ мортиръ и предлагали брать для нихъ гранаты отъ 24-фунтовыхъ пушекъ, изъ которыхъ стрѣлять за то одними только ядрами? и чувствовали ли 4-й и 3-й бастионы недостатокъ въ снарядахъ, когда каждыя сутки союзники забрасывали ихъ бомбами большого калибра, а имъ не отпускалось ни одной? Наконецъ, достаточно ли было для 4-го отдѣленія, важнѣйшаго изъ всѣхъ въ Севастополѣ, главнаго пункта непріятельской атаки, 5-пудовыхъ и 1-пудовыхъ бомбъ по 30, то есть всего 60?

21-го же августа, за № 1,701, генераль-маіоръ Шейдеманъ доносилъ генераль-лейтенанту Сержпутовскому, что потребно было въ сутки для оборонительной линіи 2,750 $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ, а отпущено только 950, слѣдовательно недостаетъ 1,800, и что, «послѣ выдачи сего числа $\frac{1}{2}$ -пудовыхъ гранатъ

для ежедневнаго расхода, осталось ихъ всего 500, и если завтрашняго числа утромъ не будутъ доставлены $\frac{1}{2}$ -пудовыя гранаты, то пальба этими снарядами 23-го августа прекратится.

Многое бы можно было сообщить г. Артиллеристу относительно недостатка въ боевомъ снабженіи Севастополя въ послѣднее время обороны. Можно бы было ему рассказать о томъ, что еще 29-го іюля генераль-лейтенантъ Сержпутовскій писалъ, что лѣса, потребнаго на изготовленіе поддоновъ для мортирной 5-пудовой гранатной картечи, а равно и поддоновъ вовсе не состояло при севастопольскомъ артиллерійскомъ гарнизонѣ, что 25-го августа въ томъ же гарнизонѣ осталось лѣсу, способнаго для выточки бѣмбовыхъ и гранатныхъ трубокъ, только на два дня, и что вслѣдствіе этого сейчасъ же былъ командированъ артиллерійскій офицеръ для покупки въ окрестностяхъ Симферополя, *но какой бы то ни было цѣнѣ*, сколь можно большаго количества березоваго, кленоваго, ясеневаго или же липоваго лѣса и немедленной доставки хотя бы части его въ Севастополь къ 27-му августа, и прочее.

Но довольно....

Можно ли послѣ всего этого утверждать, что въ Севастополѣ недостатка въ боевомъ снабженіи никогда не было и что въ этомъ отношеніи оборона его никогда не доходила до крайняго положенія?

На стр. 196 г. Артиллеристъ говоритъ: «Къ 24-му августа у насъ, дѣйствительно, не было въ изобиліи ядеръ 36-ти и 24-хъ-фунтовыхъ и бомбъ пяти и двухъ-пудовыхъ; но все таки—было слишкомъ достаточно, чтобы заставить непріятеля уважать себя.» Совершенно наоборотъ: 36-ти-фунтовыхъ ядеръ было достаточно, а 24-хъ-фунтовыхъ имѣлось въ изобиліи; 27-го августа оставлено было непріятелю, на одной только оборонительной линіи южной стороны, 36-ти-фунтовыхъ ядеръ 34,321, а 24-хъ-фунтовыхъ 73,777 ядеръ. Что же касается пяти и двухъ-пудовыхъ бомбъ, то вышеприведенныя выписки изъ официальныхъ документовъ доказываютъ всю несправедливость словъ г. Артиллериста, что ихъ «было слишкомъ достаточно, чтобы заставить непріятеля уважать себя». Нельзя понять, почему авторъ, излагая, какого снаряда не имѣлось въ изобиліи, ни слова не упоминаетъ о самомъ дѣйствительномъ снарядѣ противъ осадныхъ подступовъ въ послѣдній періодъ обороны и въ которомъ, дѣйствительно, чувствовался огромный недостатокъ, именно—полу-

пудовыхъ гранатъ. Ежели г. Артиллеристъ, умалчивая про этотъ снарядъ, этимъ самымъ хотѣлъ сказать, что его имѣлось въ изобиліи, то неосновательность такого мнѣнія доказывается вышеприведенными нами выписками (*).

На стр. 196, авторъ рассказываетъ слѣдующее: «Иногда, вмѣсто бомбъ, мы очень удачно стрѣляли изъ мортиръ разрывными 20-ти и 10-ти-фунтовыми гранатами (?). Ихъ укладывали по нѣскольку въ боченокъ (?), ставили въ мортиру, бросали въ непріятельскія траншеи и наносили страшное поражение войскамъ его, густо сосредоточеннымъ въ передовыхъ линіяхъ траншей.» Нѣтъ, г. Артиллеристъ, гранатную картечь употребляли не вмѣсто бомбъ, бомба сама по себѣ, а гранатная картечь сама по себѣ; это все равно, если бы мы сказали, что изъ 36-ти-фунтовой пушки стрѣляютъ иногда вмѣсто ядра картечью. Гранатную картечь не могли никакъ употреблять вмѣсто бомбы, потому что дальнѣйшее разстояніе, на которомъ она дѣйствовала, было 120 сажень. Удивительно, какъ это г. Артиллеристъ, «личный свидѣтель, защитникъ Севастополя», дѣлаетъ такія ошибки по своей специальной части. *Если бы онъ внимательно прочелъ 3-й номеръ своего «Артиллерійскаго Журнала» за 1856 годъ, въ которомъ описаны и цѣль и способъ дѣйствія гранатною картечью, то въ трехъ строкахъ послѣдней выписки не сдѣлалъ бы нѣсколькихъ ошибокъ. Лучшій и болѣе всего употреблявшійся способъ приготовленія гранатной картечи былъ способъ штабсъ-капитана (нынѣ подполковника) Пестича. Въ картечь эту не входили ни полупудовыя, ни разрывныя 20-ти и 10-ти-фунтовыя гранаты, а шести и трехъ-фунтовыя гранаты. Укладывали ихъ не въ боченокъ, а въ особенный жестяной корпусъ и приготовляли въ лабораторіи. Какъ исключеніе, и весьма рѣдко, приготовляли эту картечь на батареяхъ, описаннымъ въ «Артиллерійскомъ Журналѣ» способомъ, т. е. брали жестяной корпусъ съ полушарнымъ деревяннымъ дномъ (а не боченокъ) и клали туда гранаты; но весьма сомнительно, чтобы и для этой цѣли употребляли полупудовыя гранаты, по той причинѣ, что въ этомъ снарядѣ чувствовался недостатокъ,*

(*) О полу-пудовой гранатѣ упомянуто въ одномъ мѣстѣ, но только весьма нестати, а именно: въ рассказѣ о гранатной картечи, и не подъ собственнымъ именемъ, а подъ именемъ какой-то *разрывной 20-ти-фунтовой гранаты.*

даже для дѣйствія изъ полупудовой мортиры, которое было болѣе вѣроятное, болѣе непрерывное и болѣе полезное.

Г. Артиллеристъ, говоря о гранатной картечи, вѣроятно, смѣшала гранатную картечь нашу съ тою, которая употреблялась Французами. Они, дѣйствительно, брали полубоченокъ (половину порохового боченка въ 25 килограмовъ) и клали въ него гранаты 15 сантиметровъ, что подходит къ нашимъ полупудовымъ гранатамъ. Но, повторяемъ, это дѣлали подъ Севастополемъ Французы, а не мы.

Затѣмъ г. Артиллеристъ говорить: «что считаетъ обязанностью открыть настоящую причину слабаго дѣйствія артиллеріи Малахова кургана». Вотъ онѣ, эти настоящія причины: это происходило: 1) «Отъ негодности и неспособности къ дѣйствію самыхъ орудій, лафетовъ и станковъ артиллеріи Малахова кургана. Одни изъ нихъ были подбиты а большая часть были буквально засыпаны землею.... Слѣдствіемъ всеобщаго разрушенія было, что слой земли, падавшей постепенно на артиллерію, дошелъ до такого объема, что лафеты и станки погребены были въ землю и орудіямъ невозможно было дать никакого направленія.» (Стр. 197.)

Во все время продолжительной осады Севастополя, чувствовался недостатокъ мортиръ; что же касается прочихъ родовъ орудій, то въ нихъ было изобиліе, въ полномъ смыслѣ слова. То же самое можемъ сказать о станкахъ и лафетахъ, въ которыхъ никогда не чувствовалось недостатка, вслѣдствіе матеріальныхъ средствъ морскаго вѣдомства и энергической, неутомимой дѣятельности мастерскихъ этого же вѣдомства. Извѣстны также распорядительность морскаго начальства и особенная сноровка матросовъ при перемѣнѣ станковъ; слѣдовательно, остается заключить, что невозможно было замѣнить подбитыя орудія и станки потому, что они были погребены въ землю. Мы пробывли весь августъ мѣсяцъ на 4-мъ отдѣленіи и никогда не видѣли, чтобы орудіе было погребено землею. Да это рѣшительно невозможно: по склону крутостей, земля заваливаетъ амбразуры, обсыпается въ ровъ, и лишь самая незначительная часть ея падаетъ во внутрь укрѣпленія. Но положимъ, что какимъ нибудь чудомъ дѣлается обвалъ не въ наружу, а во внутрь укрѣпленія, то и тогда достаточно орудійной прислуги, чтобы не дѣзволить погрести орудія; притомъ, не думаемъ, чтобы кто либо изъ батареинныхъ командировъ допустилъ до этого. Если бы г. Артил-

леристъ сказалъ, что орудіямъ нельзя было дать никакого направленія, потому что амбразуры были засыпаны, дѣло другое, а рассказывать про какое-то погребеніе орудій — болѣе, чѣмъ странно.

2) «Отъ необъяснимой медленности инженеровъ, при исправленіи и починкѣ рва, вала, амбразуръ и вообще земляныхъ обваловъ на Малаховомъ курганѣ.» Авторъ нападаетъ на насъ за то, что мы будто бы, въ первой нашей статьѣ, «вездѣ оправдываемъ инженеровъ недостаткомъ рабочихъ людей»; относительно невозможности исправленія замѣчаетъ, что «труда было много, но невозможнаго ничего нѣтъ.... Все зависѣло отъ усердія и самоотверженія распорядителей работъ, и можно ли въ столь критическую минуту обороны говорить о невозможности?» Далѣе г. Артиллеристъ положительно утверждаетъ, что рабочихъ средствъ было чуть ли не изобиліе, что въ ночь съ 5-го на 6-е августа, высланными рабочими, «легко и возможно было исправлять всѣ поврежденія а рабочими 7-го и 19-го возможно было исправить окончательно валъ, амбразуры и проч.», доказательствъ же этой возможности не приводитъ никакихъ, а только говоритъ, что въ этотъ «критическій моментъ обороны 20 человѣкъ должны работать за 100 рукъ», но что инженеры всего этого не сдѣлали, оттого, что, распорядившись въ ночи работами, отправлялись обыкновенно въ блиндажи и только утромъ являлись для повѣрки работъ и донесенія объ успѣхѣ ихъ и при этомъ не упускали случая жаловаться на недостатокъ людей; между тѣмъ, какъ эти люди, не видя при себѣ распорядителя работъ, послѣ двухъ-трехъ часовъ труда, также ложились на отдыхъ до утра»; что мы, на 396 страницѣ первой нашей статьи, неправильно «указываемъ на другія спѣшныя работы, какъ будто бы онѣ были важнѣе кургана» (*); что, при такомъ важномъ значеніи, какое имѣлъ Малаховъ курганъ въ оборонѣ Севастополя, «казалось бы, что все вниманіе инженеровъ должно было быть обращено на содержаніе въ исправности его

(*) Уже одни эти слова доказываютъ, что едва ли г. Артиллеристъ былъ на Малаховомъ курганѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1855 г., потому что спѣшныя работы, о которыхъ мы упомянули въ первой нашей статьѣ, именно и производились на самомъ курганѣ: ретраншаментъ, барбетъ лѣваго фаса, ямы для 2 новыхъ блиндажей (которыя предполагалось перенести отъ башни, чтобы очистить площадку впереди ретраншамента), батарея лѣвой горжи, во второй линіи,—все это было на курганѣ и дѣлалось для того, чтобы усилить его оборону.

верковъ, но что инженеры встрѣчали одни только препятствія», и прочее въ томъ же родѣ.

Боже мой! въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ сколько несправедливости, сколько напраслины, сколько пристрастія, какое незнаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ послѣднее время обороны Севастополя, сколько доказательствъ тому, что г. Артиллеристъ не былъ близко и непосредственно знакомъ съ защитою Севастополя, по крайней мѣрѣ въ послѣдній мѣсяцъ осады! Вы возстали противъ насъ за мнѣнія нѣкоторыхъ о причинахъ слабого дѣйствія артиллеріи Малахова кургана и за то, что мы упрекали эту артиллерію въ слабостъ ея дѣйствіи. Но въ нашихъ словахъ не было и тѣни нападка на все артиллерійское сословіе, мы сами отдавали справедливость дѣйствию той же самой артиллеріи Кургана за время до августа мѣсяца, восхищались дѣйствіемъ артиллеріи 2-го и 3-го бастионовъ, а мнѣнія наши подтверждали фактами. А вы какъ поступаете въ подобныхъ случаяхъ? Вы высказываете не мнѣніе нѣкоторыхъ, а свое собственное, что дѣйствія инженеровъ были необъяснимо медленны, что они встрѣчали вездѣ одни только препятствія и пр.

Вправѣ ли вы такъ выражаться, г. Артиллеристъ? Вѣдь изъ насъ, инженерныхъ офицеровъ, 13 удостоились Георгіевскаго креста; вѣдь подобные отзывы не объ одной, двухъ личностяхъ, а обо всемъ сословіи слѣдуетъ подкрѣплять вѣрными, непреложными фактами, а не бездоказательными фразами, наподобіе той, «что невозможнаго ничего нѣтъ».

Подобные нападки не заслуживали бы по настоящему и отвѣта; тѣмъ не менѣе, для того, чтобы г. Артиллеристъ убѣдился, до какой степени можно заблуждаться, если судить о чемъ нибудь не по собственному наблюденію и если отвергать справедливость поговорки: «не всякому слуху вѣръ», мы рѣшились изложить вкратцѣ нѣкоторыя обстоятельства и привести нѣкоторые факты, которые, можетъ быть, дадутъ вамъ болѣе вѣрный взглядъ на дѣйствія инженеровъ въ послѣдній мѣсяцъ обороны Севастополя.

Итакъ, вы отвергаете недостатокъ рабочихъ людей въ августѣ мѣсяцѣ на Малаховомъ курганѣ и полагаете, что ими легко и возможно было произвести всѣ исправленія. Посмотримъ, справедливо ли это. Возьмемъ 5-е, 7-е и 19-е августа, именно дни, на которые вы указываете.

Съ 5-го на 6-е августа, на Малаховомъ курганѣ произведены были слѣдующія поврежденія: совершенно было разрушено: 60 амбразуръ, 8 мерлоновъ и 15 платформъ; почти всѣ траверзы и насыпи трехъ пороховыхъ погребовъ и блиндажей изрыты бомбами, а ровъ въ нѣкоторыхъ частяхъ сильно засыпанъ. Кромѣ того, нужно было продолжать вновь начатыя спѣшныя работы, а именно: ретраншаментъ, отрываніе ямъ для двухъ блиндажей и барбеты лѣваго фаса. Для всѣхъ этихъ работъ прислано было 2,150 человекъ рабочихъ. Но, чтобы вывести дѣйствительное число людей, которые принимали участіе въ работѣ, слѣдуетъ, изъ числа 2,150 челов., выключить: унтеръ-офицеровъ и людей съ носилками для раненыхъ. Будемъ брать самую ограниченную пропорцію выключаемыхъ людей. Роты, въ послѣднее время обороны Севастополя, были силою отъ 100 до 150 челов., не больше; возьмемъ среднее число 120 челов. Положимъ, что съ каждымъ 120 челов. выходило на работу всего только 4 унтеръ-офицера, поэтому унтеръ-офицеровъ на 2,150 челов. выходитъ приблизительно 70 челов. Въ каждой ротѣ непремѣнно были хотя однѣ носилки (*), слѣдовательно на каждыхъ 120 челов. по 4 носильщика, или на 2,150 челов. 70 носильщиковъ. Итакъ, выключая изъ 2,150 челов. 70 унтеръ-офицеровъ и 70 носильщиковъ, т. е. 140 человекъ, получимъ цифру 2,010, означающую число людей, дѣйствительно работавшихъ.

Рабочіе приходили обыкновенно въ началѣ 9-го часа вечера. Расчетъ ихъ производился обыкновенно въ болѣе безопасномъ мѣстѣ кургана, именно на площадкѣ у горжи. Выстроить какихъ нибудь 1,500 или 2,000 челов. и рассчитать ихъ по работамъ, подъ непріятельскими бомбами, было нелегко, и иной разъ, при всемъ желаніи сдѣлать это какъ можно скорѣе, дабы этимъ избѣгнуть напрасныхъ потерь, проходило, по крайней мѣрѣ, полчаса, пока не кончится этотъ расчетъ. Въ то время, когда эти команды расходились по работамъ, известное число людей, назначенныхъ отъ каждой изъ нихъ, отправлялись къ мѣсту, гдѣ обыкновенно складывался инструментъ, получали его для своей команды и затѣмъ, вернувшись къ ней, раздавали ей инструментъ. Все это производилось въ темнотѣ, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ: внутренность кургана представляла

(*) Въ ротѣ было по двое носилокъ; но мы принимаемъ, что заняты были только однѣ носилки, т. е. каждой роты по 4 человекъ.

сущій лабиринтъ, гдѣ люди, приходящіе на работу и весьма часто мало или совсѣмъ незнакомые съ мѣстностью, могли весьма легко потеряться; поэтому всегда необходимо было самому дистанціонному офицеру отвести каждую команду на работу, растолковать каждому почти рабочему, что и какъ онъ долженъ дѣлать, въ малѣйшихъ подробностяхъ, внушить армейскимъ унтеръ-офицерамъ, что они должны не отходить отъ своихъ людей, приставить за тѣмъ надсмотрщиковъ саперъ (а ихъ подъ конецъ было весьма недостаточное число, такъ что большею частію на 4 или 5 амбразуръ приходилось по одному саперу). Все это не могло не занять болѣе или менѣе продолжительнаго времени и длилось, навѣрное, до десятаго часа.

Казалось бы, что, съ приходомъ рабочихъ командъ на работу и съ раздачею инструмента, работа должна сейчасъ же производиться: нѣтъ, имъ еще нужно поджидать нѣкоторое время, иногда и цѣлый часъ, туры и фашины, которые привозились не на самый курганъ, а въ Корабельную слободу, и складывались въ домъ Тулубѣвой подъ курганомъ (*) и за которыми во время развода людей отдѣлялась извѣстная команда рабочихъ. Такимъ образомъ, положительно можно сказать, что работы на всѣхъ пунктахъ были въ полномъ ходу не ранѣе десяти или одиннадцати часовъ ночи (**).

Ночныя работы приказано было кончать съ разсвѣтомъ — обыкновенно въ три или въ началѣ четвертаго часа утра; такимъ образомъ, работы эти производились не болѣе четырехъ—пяти часовъ (**).

(*) Туры, фашины и вообще сапные матеріалы привозились ежедневно съ сѣверной стороны, на пароходахъ или на лошадяхъ, сгружались или въ Аподоновой балкѣ или близъ доковъ у крана, а оттуда доставлялись въ домъ Тулубѣвой, гдѣ было учреждено инженерное депо. Складывать туры и фашины на самомъ курганѣ нельзя было потому, что они бы заняли весьма много мѣста, легко могли быть разбиты, а главное потому, что весьма легко могли бы загорѣться во время бомбардировокъ, что было бы для насъ весьма опасно, ибо потушить подобный пожаръ едва ли была бы возможность.

(**) Все, что здѣсь сказано, относится къ 4-му отдѣленію; на другихъ пунктахъ оборонительной линіи дѣлалось, можетъ быть, иначе, — этого не знаемъ.

(***) Мы здѣсь не принимаемъ въ расчетъ ложныхъ тревогъ, столь часто, почти еженочно случавшихся, которыя останавливали работу до крайности, потому что рабочіе становились въ ружье, и проходило не менѣе часа, пока снова принимались за работу.

Инструментъ, которымъ приходилось работать, будучи большею частію заготовленъ во время осады наскоро, былъ крайне ненадеженъ (*); мотыги и кирки сваливались съ черенковъ, самыя черенки постоянно ломались, а новыхъ взять было не откуда; лопаты отъ долгаго употребленія были попорчены, ломовъ имѣлось ничтожное количество. Между тѣмъ, грунтъ былъ весьма трудный для работы, большею частію каменистый, иной разъ и сплошная скала, такъ что безъ кирки, мотыги и лома нельзя было ступить и шагу, а во многихъ мѣстахъ приходилось рвать камень порохомъ. Тонкій пласть земли, покрывавшій камень и скалу на курганѣ, вслѣдствіе продолжительности работъ, былъ совершенно снятъ; поэтому землю приходилось брать не на мѣстѣ же работы, а подносить ее съ довольно дальняго разстоянія, иногда шаговъ за 100 и 150 (**); да и эта земля, отъ бывшей засухи, разсыпалась какъ прахъ и превращалась въ одну пыль; землею же, которая отъ бомбардировки обсыпалась въ ровъ, и тою, которая происходила отъ минъ, можно было пользоваться весьма мало, по причинѣ разбросанности работъ и затруднительнаго сообщенія внутренности бастиона съ дномъ рва. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить повременашъ неизвѣрно сильный непріятельскій огонь, при которомъ работы никакъ не могли подвигаться впередъ безостановочно, и крайній недостатокъ туровъ и фашинъ, заставлявшій иной разъ выбирать изъ старыхъ туровъ менѣе поврежденные и эти употреблять въ дѣло (***)).

Самыми важными работами на курганѣ считались: починка амбразуръ, мерлоновъ и платформъ, предохраненіе погребовъ отъ взрыва, очистка рва и производство начатыхъ работъ на ретраншаментѣ, батареи во второй линіи и проч.

При всѣхъ вышензложенныхъ обстоятельствахъ, до крайности затруднявшихъ работы, и желая, чтобы разрушенныя

(*) Во время перемирія, предшествовавшаго миру, и послѣ мира, Французы, видя нашъ шанцевый инструментъ, выражали всегда свое удивленіе и не разъ говорили, что не могутъ понять, какимъ образомъ со столь плохимъ инструментомъ можно было воздвигнуть севастопольскія укрѣпленія.

(**) На батареѣ Жерве грунтъ былъ голая скала, такъ что одно время назначено было нѣсколько полу-фурковъ для подвозки земли. Ее брали около второй линіи, т. е. за 80 или 100 сажень отъ мѣста работъ.

(***) Подъ конецъ обороны, недостатокъ фашинъ дошелъ до того, что принуждены были вязать ихъ изъ стараго хвороста, происходившаго отъ разбитыхъ непріятельскими снарядами туровъ и фашинъ. Для этого назначались постоянные рабочіе, которые работали въ домѣ Тулубѣевой.

амбразуры были къ разсвѣту какъ слѣдуетъ исправлены, нельзя было назначать на каждую изъ нихъ менѣе 20-ти человекъ (*); поэтому въ ночь съ 5-го на 6-е августа нужно было:

(*) Тѣмъ, кто бы вздумалъ судить объ успѣхѣ севастопольскихъ работъ по успѣху работъ практическихъ, производимыхъ въ мирное время, покажется, быть можетъ, что назначенное для амбразуръ число рабочихъ 20 человекъ слишкомъ велико. Но принимать успѣхъ мирныхъ работъ за мѣрило успѣха севастопольскихъ работъ значило бы впасть въ весьма большую ошибку. Необходимо принять въ расчетъ тѣ особенныя обстоятельства, при которыхъ производились севастопольскія работы и которыя до крайности затрудняли успѣшный ходъ ихъ. Туры, которыми обыкновенно одѣвались щеки амбразуръ, прибывали всегда колыями, часто анкеровались и затѣмъ засыпались землею, а такъ какъ орудія на морскихъ станкахъ весьма низкихъ, то амбразуры были весьма глубоки, т. е. имѣли ступъ не болѣе 2 ф. высоты. Поэтому при бывшей высотѣ бруствера отъ 7 до 10 ф., одѣвая щеку амбразуръ, приходилось ставить туры въ 2 яруса, каждый изъ нихъ укрѣпляя колыями, вбиваемыми въ насыпь бруствера. Амбразурамъ давался довольно значительный обстрѣлъ, такъ что, при бывшей толщинѣ бруствера отъ 2½ до 3 саж., на каждую щеку амбразуръ приходилось ставить въ нижній ярусъ отъ 8 до 10 туровъ; въ верхнемъ ярусѣ число туровъ было менѣе на какіе нибудь одинъ или два тура. Подобную сплошную стѣну туровъ увѣнчивали обыкновенно фашинами или мѣшками съ землею, которыми и подвигали туровую одежду щекъ педь одну высоту со скатомъ самаго бруствера. Несмотря на то, что всегда соблюдали, какъ непрѣмѣнное правило, прибывать накрѣпко коломъ каждый туръ отдѣльно къ насыпи бруствера, что каждый мѣшокъ и фашина прибывали нѣсколькими колышками къ землѣ, наполнявшей туры, всѣ вообще насыпи, вслѣдствіе безпрестанныхъ исправленій и бывшей въ июлѣ и августѣ мѣсяцахъ засухи, сдѣлались до того рыхлыми, что достаточно было нѣсколькихъ гранатъ или одной, двухъ бомбъ, чтобы совершенно уничтожить амбразуру. При этомъ, туровая одежда щекъ, фашины, земляные мѣшки,—все это естественно падало во внутрь амбразуръ и вмѣстѣ съ высыпавшеюся изъ туровъ землею, а равно и тою, которая обваливалась отъ мерлоновъ, совершенно ее засыпали. Непрiятель, съ своей стороны, продолжая стрѣльбу, все больше и больше обваливалъ землю съ мерлоновъ въ амбразуры. Случая, когда изъ щеки амбразуръ вываливались 1 или 2 тура, которые сейчасъ же было можно сбросить ядромъ въ ровъ или, зацѣпивъ канатомъ или багромъ, втащить во внутрь укрѣпленія,—словомъ, случая, когда требовалось только расчистить амбразуру, что производилось и днемъ, выпадали весьма рѣдко въ августѣ мѣсяцѣ; большою частью разрушеніе, производимое непрiателемъ, было окончательное, при которомъ исправлять амбразуру было труднѣе, нежели рѣзать ее вновь. Необходимо было очистить сперва подошву амбразуръ отъ разбитыхъ туровъ и фашинъ, а равно и земли, и потомъ вновь одѣвать щеки ея. Конечно, при этомъ всѣ 20 человекъ не работали въ самой амбразурѣ: въ ней свободно могли работать 4 или 5 человекъ; изъ остальныхъ же часть рубили гдѣ нибудь, по возможности ближе къ работѣ, землю и наполняли ею мѣшки, а остальная часть подносила эти послѣдніе къ мѣсту работы, гдѣ люди, стоящіе въ амбразурѣ и укрѣплявшіе туры, принимали эти мѣшки и высыпали изъ нихъ землю въ самые туры и за

Для починки однѣхъ только амбразуръ . . .	1,000	челов.
Для починки совершенно разбитыхъ пятнадцати платформъ, для которыхъ нужно было еще принести лѣсъ изъ-подъ кургана, не менѣе . .	150	—
Для починки восьми разрушенныхъ мерлоновъ не менѣе	200	—
Для очистки рва (*) обыкновенно назначалось	150	—
Для исправленія насыпей трехъ пороховыхъ погребовъ не менѣе 30 человекъ на каждый, т. е. всего	90	—

нихъ. Но, повторяемъ, все это дѣлалось подъ сильнымъ непріятельскимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, въ трудномъ, большею частью каменистомъ грунтѣ, съ плохимъ инструментомъ, людьми, уставшими и изнуренными; поэтому, говоримъ по собственному опыту, 20 человекъ едва успѣвали исправить разрушенную амбразуру къ концу ночныхъ работъ, даже и при обстоятельствахъ менѣе затруднительныхъ, напримѣръ даже когда огонь непріятели не былъ чрезмѣрно силенъ. Чего же ожидать можно было отъ меньшаго еще числа рабочихъ, въ тѣхъ случаяхъ (а они бывали весьма часто), когда огонь непріятели доходилъ до чрезвычайной силы, когда два, три раза въ продолженіе одной и той же ночи попадаютъ сразу по нѣскольку бомбъ или гранатъ въ одну и ту же амбразуру и каждое изъ этихъ паденій сопровождается новымъ разрушеніемъ и новою убылью рабочихъ?

(*) Ровъ засыпался не только землею, падашею съ бруствера, вслѣдствіе дѣйствія по немъ непріятельской артиллеріи но и съ контръ-эскарпа, который, вслѣдствіе ли сотрясенія отъ выстрѣловъ, или же вслѣдствіе какихъ либо причинъ, постепенно обваливался цѣлыми глыбами. Очистка рва была крайне затруднительна, потому что во рву лежало множество камней, отбиваемыхъ отъ каменной одежды эскарпа передняго фаса, а главнымъ образомъ по трудности относки земли изъ рва, происходившей отъ затруднительности сообщенія дна рва съ внутренностію бастіона. Сообщеніе это производилось двумя потернами: одна изъ нихъ, бывшая подъ серединою передняго фаса, имѣла 14 саж. длины, не болѣе 5 ф. ширины и выходила около остатковъ башни въ колодезь, которымъ и сообщалась съ внутренностію укрѣпленія. Другая, меньшей длины, шла подъ правою частью передняго фаса и выходила наверхъ колодеземъ у пяти-орудійной батареи, бывшей правѣе закругленія передняго фаса. Во работахъ и минеры, поэтому минные рабочіе, подноски различныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для минъ, — все это затрудняло и безъ того неудобное сообщеніе по потернѣ. Можно было сообщаться съ внутренностію бастіона, спустивъ трапъ съ какой нибудь амбразуры на дно рва; но и это сообщеніе въ лунныя ночи, при близости непріятельскихъ траншей и постоянномъ оттуда ружейномъ огнѣ, было весьма неудобно для относки земли изъ рва. О томъ, до какой степени засыпался ровъ, можно судить по тому, что тѣла нѣсколькихъ Французовъ, бросившихся 26 мая, послѣ взятія Камчатскаго редута, на курганъ и убитыхъ тогда во рву, были открыты при очисткѣ рва только въ первые дни іюня, хотя съ 26 мая ежедневно очищали ровъ.

На ретраншаментъ (*) выходило всегда отъ	
150 до 200 челов., возьмемъ	170 челов.
Для барбетовъ лѣваго фаса (**)	50 —
Для рытья ямъ для двухъ новыхъ блиндажей (***)	по 50 человекъ на каждую, всего 100 —
<hr/>	
Всего	1,910 челов.

(*) Для образованія ретраншамента, за который бы могли отступать, въ случаѣ необходимости, войска, защищавшія передній фасъ и площадку около башни и изъ-за котораго можно бы было обстрѣливать всю передовую часть бастиона, воспользовались построенными еще до того траверсами и блиндажами, находившимися между батареею Панфилова (на уступѣ лѣваго фаса) и 9-ти-орудійною батареею праваго фаса. Для этого нужно было возвысить эти траверсы и насыпи блиндажей, одѣть наружную отлогость послѣднихъ турами, сдѣлать наверху ихъ внутреннюю крутость и присыпать банкеты; кромѣ того, полагалось вооружить ретраншаментъ тремя карронадами малаго калибра, для которыхъ нужно было устроить барбеты. Впереди насыпи ретраншамента вырывался ровъ, а для сообщенія площадки, находившейся впереди ретраншамента, съ тою, которая была сзади его, въ ретраншаментѣ оставлены были два прохода, каждый въ 15 шаговъ широты, а противъ нихъ состроены черезъ ровъ ретраншамента легкіе мосты, которые предполагалось снимать въ случаѣ непріятельскаго штурма, когда войска наши будутъ отгѣснены отъ башни за ретраншаментъ. А чтобы ретраншаментъ могъ доставлять непрерывную линію огня и чтобы хоть сколько нибудь увеличить число закрытыхъ, отъ непріятельскихъ снарядовъ, помѣщений, проходы эти предполагалось блиндировать, насыпи ихъ вывести подъ одну высоту съ насыпью всего ретраншамента и устроить въ нихъ банкеты, которые бы сообщались съ банкетами остальныхъ частей ретраншамента. Но блиндажи надъ проходами не было возможности устроить. Неоднократно столбы были поставлены, накатникъ положенъ; но непріятельскія бомбы всякій разъ ихъ разбивали, прежде, нежели успѣли сдѣлать на этихъ блиндажахъ достаточной толщины земляную насыпь. По этой-то причинѣ, а равно и при оказывавшемся подъ конецъ недостаткѣ дѣса, блиндажи надъ проходами ретраншамента, къ 27 августа, не были готовы. Ретраншаментъ имѣлъ длины 30 саж., высота его бруствера была не менѣе 12 фут., толщина всей насыпи не менѣе 5 саж. Входы въ блиндажи были устроены подъ банкетомъ ретраншамента и въ его проходахъ. Къ 27 августа онъ былъ оконченъ: примѣненъ къ ружейной оборонѣ, имѣлъ 2 барбета для 3 карронадъ (но онѣ не были еще поставлены), и впереди его былъ вырытъ ровъ, ширины въ 1½ сажени, но глубиною не болѣе 4 или 5 фут. Словомъ, ровъ не былъ конченъ, по недостатку времени, рабочихъ и по трудности грунта.

(**) Барбетовъ этихъ было 2, каждый для двухъ полевыхъ орудій или небольшихъ карронадъ. Сдѣланы они были съ цѣлью усилить картечный огонь по пространству между лѣвыми: переднею и заднею линіями.

(***) Площадка впереди ретраншамента занята была пороховымъ погребомъ, блиндажемъ, гдѣ помѣщалась часть орудійной прислуги передняго фаса, и наконецъ башнею. Отъ этой послѣдней уцѣлѣлъ одинъ только нижній этажъ, и то благодаря лишь тому, что наверху башни устроена была земляная насыпь, а своды изнутри поддержаны крѣпкими кружала-

Слѣдовательно, изъ числа 2,010 человекъ, остается 100 человекъ для остальныхъ работъ, какъ-то: исправленія всѣхъ почти траверзовъ и блиндажей. Положимъ, что изъ значительнаго числа блиндажей и еще большаго числа траверзовъ повреждено было только три блиндажа и семь траверзовъ, что весьма мало сравнительно съ бывшимъ 5 августа неприятельскимъ огнемъ, особенно навѣснымъ, спрашивается: какимъ образомъ справиться съ этими работами, имѣя всего 100 человекъ рабочихъ? Желая произвести и эти исправленія, придется уменьшить число рабочихъ на другихъ, болѣе важныхъ работахъ: оттого и случилось, что въ послѣднее время на Малахова курганѣ, при значительности поврежденій и необходимости хотя отчасти все исправить, имѣлась возможность назначить на каждую амбразуру никакъ не болѣе 10 или 12 человекъ, иногда и меньше, тогда какъ, для хорошаго исправленія ея къ назначенному времени, необходимо было имѣть не менѣе 20 человекъ; по этой же самой причинѣ, иногда рѣшительно не было возможности исправить все, что предполагалось, и на нѣкоторыхъ пунктахъ не было вовсе работы.

Перейдемъ теперь къ 7 и 19 августа. 7 августа для работъ прислано было 1,770 человекъ. Выключивъ изъ этого числа унтеръ-офицеровъ и носильщиковъ (по 4 человека унтеръ-офицеровъ и по 4 носильщика на каждые 120 человекъ), получимъ: 1,650 человекъ рабочихъ.

	Человѣкъ.
Для исправленія 30 амбразуръ нужно было не менѣе	600
17 платформъ	170
Совершенно снесенныхъ 4 мерлоновъ не менѣе	100
Исправленія погребовъ	90
Очистки рва	150
Для ретраншаментъ.	170
Для барбетовъ и ямъ для новыхъ блиндажей.	150
Итого.	1,430

ми. Всѣ эти постройки могли доставить неприятелю прикрытіе отъ огня съ ретраншаментъ; поэтому, для устраниенія этой невыгоды, предполагено было перенести ихъ на другое мѣсто. Для этого отрывали ямы для двухъ блиндажей на площадкѣ сзади ретраншаментъ: въ одномъ изъ нихъ полагалось устроить погребъ, а въ другомъ — помѣщеніе для людей, жившихъ въ башнѣ и въ блиндажѣ впереди ретраншаментъ. Устроивъ эти блиндажи, передовые, а равно и башню, полагалось сломать. Но этого нельзя было исполнить, потому что хотя ямы для новыхъ блиндажей были достаточно вырыты, но, по причинѣ недостатка въ годномъ лѣсѣ, новые блиндажи не были устроены, а потому и старые, а равно и башня, не были сломаны и площадка впереди ретраншаментъ къ 27 августа не очищена.

Слѣдовательно, едва остается 220 человѣкъ для исправленія поврежденій въ траверзахъ и въ блиндажахъ (а этихъ поврежденій было не менѣе, чѣмъ 5 августа); кромѣ того, поврежденій въ банкетгахъ и внутренней крутости бруствера, которые сильно нуждались въ исправленіяхъ, но для которыхъ рабочихъ взять было не откудова.

19 августа прислано было рабочихъ 1,450 человѣкъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ 96 унтеръ-офицеровъ и носильщиковъ (принимая ту же, что и прежде, пропорцію), остается 1,354 человѣкъ.

	Человѣкъ.
Для исправленія разрушенныхъ 24 амбразуръ нужно было не менѣе	400
5 платформъ	50
Для очистки рва (потому что въ эту ночь очищали и ровъ батареи Жерве)	200
Для утолщенія насыпей блиндажей и погребовъ на 3 фута не менѣе	200
Для исправленія наружной отлогости брустверовъ не менѣе	100
Для исправленія траверзовъ, банкетовъ, внутренней крутости, положимъ, назначено было только.	200
На батарее у горжи (*) во второй линіи (которую рабо-	

(*) Батарея у горжи была на 11 орудій и входила въ составъ лѣвой задней оборонительной линіи. Прострѣйка ея вызвана была крайнею необходимостью усилить фронтальный огонь кургана, а главное—сесредоточить большее число орудій противъ Нижне-Камчатской батареи и батареи въ горжѣ этого редута, отъ которыхъ весьма сильно страдали лѣвая половина бастиона и батарея Никифорова у рогатки (въ 1-й линіи между курганомъ и 2-мъ бастиономъ). На мѣстѣ этой батареи устроена была еще прежде тошка и невысокая стѣнка изъ камней, сложенныхъ насухо и примѣненная въ ружейной оборонѣ. Стѣнкой этой воспользовались и, присыпавъ къ ней снаружи толстую земляную насыпь, едѣвъ внутреннюю крутость ея турнами и значительно ее возвысивъ, устроили брустверь, въ которомъ прорѣзано было 11 амбразуръ. Три изъ нихъ косыя, у горжи Малахова кургана, назначены были для обстрѣливанія ближайшихъ непріятельскихъ подступовъ впереди 2-го бастиона, а остальные 8, прямыхъ, для дѣйствованія по Нижне-Камчатской батарее и батареи въ горжѣ этого редута. Такъ какъ описываемая батарея шла по крутому склону кургана, то брустверь ея устроенъ былъ уступами, а у амбразуръ присыпаны были еще 11 барбетовъ. Между амбразурами сдѣланъ былъ банкетъ. Для устройства вдоль этой батареи дороги, удобной для провоза орудій и проѣзда троекъ, необходимо было сломать домики, находившіеся у этой батареи на заднемъ склонѣ кургана, и углубить самую дорогу, чтобы доставить сообщеніе, за-

тали въ эту почъ), обыкновенно назначалось (иногда и болѣе)	Челов. 300
На ретраншанментъ	170
Наконецъ, на ямы для новыхъ блиндажей	100
Итого.	1,700
А рабочихъ, какъ мы видѣли, было всего	1,354

Слѣдовательно, оставались нѣкоторыя работы, какъ-то: ретраншанментъ, банкеты, траверзы, и вообще внутреннихъ работъ не производить вовсе, что и было на самомъ дѣлѣ, или назначить гораздо меньше, и поэтому недостаточное, число людей на инныя работы, какъ-то: амбразуры, мерлоны, погреба и др. Не забудьте, г. Артиллеристъ, что мы нигдѣ не принимали въ расчетъ потери въ рабочихъ людяхъ; слѣдовательно, мы принимали большее, нежели было на самомъ дѣлѣ, число рабочихъ людей. Потери эти бывали постоянно весьма значительны, съ 24 августа чрезвычайны и всегда оказывали огромное вліяніе на успѣхъ работы. Не принимая во вниманіе, какъ часто случалось въ августѣ мѣсяцѣ во время бомбардировокъ, что, пока исправлять одну амбразуру, выбудетъ вся смѣна рабочихъ, что бывали примѣры, когда, при исправленіи одной только амбразуры, выбываетъ какихъ нибудь 30 человекъ рабочихъ или что во вре-

крытое отъ непріятельскихъ выстрѣловъ изъ траншей, спускавшихся съ Камчатскаго редута къ Киленбалкѣ и ко 2-му бастиону. Лѣвѣе этой батареи устроенъ былъ брустверъ вплоть до полевыхъ орудій, находившихся на правомъ флангѣ Геннериха батареи (позади 2-го бастиона), примѣненный къ одной только ружейной оборонѣ. Между этимъ брустверомъ и 11-ти-орудійной батареей оставленъ былъ проходъ въ 5 саж. ширины, для сообщенія съ 1-ю линіею, т. е. куртиною между курганомъ и 2-мъ бастиономъ; а саженихъ въ 4-хъ позади этого прохода насыпанъ былъ траверсъ съ барбетами для 2-хъ полевыхъ орудій. Длина батареи у горжи была 186 шаговъ, толщина ея бруствера $3\frac{1}{2}$ саж., высота 11 ф., разстояніе между директрисами амбразуръ отъ 4 до 8 саж. Длина бруствера лѣвѣе ея до полевыхъ орудій у Геннериха батареи 128 шаговъ, толщина 2 саж., высота 7 фут. Къ ночи съ 26 на 27 августа батарея эта была совершенно окончена, имѣла 11 амбразуръ со столькими же барбетами и платформами, орудія большого калибра были уже поставлены, сзади нея домики были сломаны и устроена удобная дорога въ 4 саж. ширины, на длину 70 саж. Рва впереди не было; пороховаго погреба и блиндажа для артиллерійской прислуги также не имѣлось. Для нихъ открыты были только ямы; но гѣсу еще не было доставлено. Зарядовъ и снарядовъ для орудій еще не было и прислуга къ нимъ не была еще назначена. Брустверъ лѣвѣе этой батареи не былъ еще достаточно возвышенъ и утолщенъ, но имѣлъ на всю длину 128 шаговъ готовые банкеты.

мя не болѣе 2-часовой работы уносить съ нея до 60 человекъ, мы примемъ для потери возможно меньшую, сравнительно съ силою непріятельскаго огня, пропорцію, а именно возьмемъ $\frac{1}{20}$ долю всего числа рабочихъ, то и въ такомъ случаѣ окажется, что, при бывшей въ это время нуждѣ рукъ, потеря эта была весьма ощутительна, потому что не только лишала насъ совершенно нѣкоторой части рабочихъ, но иногда и увеличивала число носильщиковъ, необходимыхъ для уноски раненыхъ. И какого успѣха въ работахъ можно было ожидать отъ такого малаго числа людей, и еще какихъ людей: уставшихъ, измученныхъ, не только вслѣдствіе не прекращавшагося физическаго труда, но и вслѣдствіе постоянного напряженія моральныхъ силъ, работающихъ подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ, направляемымъ преимущественно въ мѣста работъ, несущихъ тяжкія потери и иной разъ принимающихся два, три раза въ ночь за исправленіе одной и той же амбразуры! И что тутъ удивительнаго, что эти люди, будь они всѣ до послѣдняго необыкновенные храбрецы, видя, что непріятелю стоитъ только бросить нѣсколько гранатъ или бомбъ, чтобы вновъ разорить то, исправленіе чего достигнуто было только необыкновенными усилиями и цѣною кровавыхъ потерь, не видя конца постояннымъ этимъ исправленіямъ, работали апатически? И при такихъ условіяхъ требовать, чтобы 20 рукъ работали за 100! На это можно рассчитывать лишь во время непродолжительной работы, при укрѣпленіи, напримѣръ, позиціи, когда работа производится связными людьми и со смѣнами рабочихъ, продолжается всего какихъ нибудь 16 — 20 часовъ, и хотя въ виду непріятеля, но не подъ огнемъ его. Въ продолжительной же и тяжелой оборонѣ Севастополя, гдѣ всѣ должны были быть постоянно насторожѣ, въ ожиданіи непріятельскаго штурма, гдѣ работы производились денно и ночно, гдѣ люди не знали отдыха и не могли не быть до крайности изнурены непрерывными тяжкими трудами, тревогами и всякаго рода лишеніями подъ непрекращавшимся ни на минуту непріятельскимъ огнемъ, наконецъ, при чисто пассивной оборонѣ, которую мы вели въ послѣдніе три мѣсяца, вслѣдствіе которой солдатъ невидѣлъ другаго исходнаго пути, какъ смерть или рана, требовать такого одушевленія и такой энергіи, чтобы 20 рукъ работали за 100, это значить требовать рѣшительно невозможнаго, и подобное требованіе можетъ только явиться у того, кто совершенно незнакомъ съ севастопольскою обороною.

Послѣ всего этого, весьма бы любопытно было знать, на чемъ основано мнѣніе г. Артиллериста, что рабочими 5 августа «легко и возможно было исправить всѣ поврежденія, а рабочими 7 и 19 августа — окончательно произвести всѣ исправленія».

Дистанціи инженерныхъ офицеровъ имѣли большею частью весьма значительное протяженіе, иногда сажень на 200 или 250. Работы производились не въ одной части этой дистанціи, а бывали разбросаны почти по всему ея протяженію; притомъ, нѣкоторыя работы имѣли, сравнительно съ другими, особенную важность, поэтому требовали особеннаго, исключительнаго вниманія распорядителей работъ. При такихъ данныхъ, этотъ послѣдній долженъ былъ или постоянно ходить по всему пространству, на которомъ разбросаны были его работы, или же присматривать особенно за нѣкоторыми изъ нихъ, именно за имѣвшими первостепенную важность. Находиться въ одно и то же время на всѣхъ работахъ онъ естественно не могъ, и поэтому-то весьма легко могло показаться *нѣкоторымъ*, что офицеръ, завѣдующій работами, совершенно покинулъ работу въ какой нибудь части его дистанціи.

Инженерныя работы производились днемъ и ночью, при чемъ инженерные офицеры не снѣнялись. Не споримъ, чтобы при этомъ не могло случиться, что иногда инженерный офицеръ, распорядившись въ началѣ ночи работами, т. е. разставивъ людей, указавъ каждому его работу, когда возможно, то задавъ людямъ урокъ, и, наконецъ, видя, что работа идетъ вездѣ своимъ порядкомъ, не довѣрившись на нѣкоторое время саперному унтеръ-офицеру и не ушелъ, на какой нибудь часъ, въ блиндажъ; но чтобы разъ, уйдя съ работы, онъ больше не возвращался къ ней, это мы положительно отвергаемъ, потому что если намъ случилось видѣть, что инженерный офицеръ уходилъ съ работы въ блиндажъ, то мы, вѣдѣвъ съ тѣмъ, всегда видѣли, что онъ къ ней возвращался, не только утромъ, а, по крайней мѣрѣ, пять, шесть разъ въ ночь и подробно осматривалъ всѣ работы своей дистанціи.

Дѣйствительно ли одни только инженеры находили недостаточнымъ назначаемое число рабочихъ? Посмотримъ, какого мнѣнія на этотъ счетъ были вообще начальствовавшіе въ Севастополѣ лица. Думали ли они, что «невозможнаго ничего нѣтъ» и что возможно въ «столь критическую минуту обороны говорить о невозможности»?

Начальникъ 3, 4 и 5 отдѣленій, генераль-лейтенантъ Хрулевъ, рапортомъ отъ 25 августа, просилъ генераль-адъютанта графа Остенъ-Сакена объ усиленіи гарнизона лѣвой половины оборонительной линіи тремя дружинами, дабы пополнить значительную убыль, которую понесли полки отъ непріятельскаго огня въ послѣдніе три дня, т. е. 23, 24 и 25 августа (*).

«Три дружины—писалъ генераль-лейтенантъ Хрулевъ—хотя не совсѣмъ пополняютъ трехдневную убыль, по крайней мѣрѣ дадутъ средства, по возможности, исправлять сильныя поврежденія, производимыя на бастіонахъ непріателемъ, и докончить вторую оборонительную линію.

«Если испрашиваемыя три дружины завтра къ вечеру не придутъ, то, принимая въ расчетъ завтрашнюю убыль, поврежденія будутъ запущены и впослѣдствіи прійдется выводить большое число людей для исправленія, отчего и произойдетъ еще большая потеря и запущенныя поврежденія труднѣе исправлять.

«Начальникъ штаба севастопольскаго гарнизона, свиты Его Величества генераль-маіоръ князь Васильчиковъ, въ рапортѣ отъ 26 августа, доносилъ начальнику главнаго штаба генераль-адъютанту Коцебу, что:

«Ежедневныя тяжкія потери, понесенныя гарнизономъ въ послѣднее время, значительно уменьшили численность полковъ. Усиленное до сего дня небывалое бомбардированіе, производимое непріателемъ по всей оборонительной линіи, приводитъ каждый день верки наши въ разрушеніе, для починки которыхъ требуется большое число рабочихъ, опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, потому что люди, никогда на подобной работѣ не бывалые, терпятъ отъ огня непріятеля, не подвигая дѣла къ желаемому успѣху. Между тѣмъ, вновь возводимыя укрѣпленія и батареи тоже требуютъ немало рукъ для окончанія ихъ въ скорѣйшее время. Послѣ тяжкихъ трудовъ продолжительной осады, войска гарнизона слишкомъ изнурены, чтобы успѣть исполнять всѣ лежащія на нихъ требованія; многіе изъ нашихъ верковъ остаются безъ исправленія, а разрушеніе это каждый день возрастаетъ. Это обстоятельство заставляетъ меня просить ваше превосходительство объ усиленіи гарнизона на время нынѣшняго бомбардиро-

(*) Убыль эта была огромна: въ рапортѣ генерала Хрулева сказано, что, *кроме убитыхъ*, вышло изъ строя: 23 августа 668 чел., 24 августа 842 чел. и 25 августа 871 чел., всего въ 3 дня 2,381 чел.

ванія, безъ чего я не предвижу возможности содержать нашихъ укрѣпленій въ должномъ видѣ, для сохраненія артиллерійскаго огня, составляющаго главное средство къ оборонѣ въ минуту штурма, тѣмъ болѣе, что истомленные ночными работами резервы, при малочисленности своей, не будутъ въ состояніи противоставить наступающему врагу дѣйствительной препоны.

«Начальникъ инженерныхъ работъ требуетъ усиленія наряда рабочихъ и прибавки сапныхъ матеріаловъ. Между тѣмъ, не видя въ предстоящемъ бомбардированіи другой цѣли, кромѣ ослабленія нашего огня и приступа, времени котораго опредѣлить невозможно, трудно рѣшиться на уменьшеніе числа войскъ, постоянно на банкетахъ находящихся, на случай атаки непріятеля.»

Послѣ всего этого возможно ли утверждать, что рабочихъ средствъ было достаточно? Не есть ли это «грѣхъ» противу святой правды и истины, которая должна освящать исторію?

Въ доказательство же того, «что вниманіе инженеровъ было обращено на содержаніе въ исправности верковъ Малахова кургана, что они заботились о томъ, чтобы поврежденія были исправляемы», то есть въ доказательство того, что хотя, по словамъ г. Артиллериста, «они одни встрѣчали только препятствія», тѣмъ не менѣе, при столь скудныхъ рабочихъ средствахъ, какія были въ ихъ распоряженіи, они дѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы не только поправить, на сколько это было возможно, поврежденія, но и вести новыя работы, — словомъ, чтобы исполнить свою обязанность. Мы приводимъ слѣдующія выписки объ успѣхѣ работъ на 4 отдѣленіи, какъ изъ донесеній начальника гарнизона о ходѣ обороны Севастополя, представлявшихъ ежедневно главнокомандующему, такъ и изъ ежедневныхъ донесеній начальниковъ 4 отдѣленія оборонительной линіи.

Въ донесеніяхъ графа Остенъ-Сакена мы находимъ слѣдующее:

Съ 5 часовъ утра 5-го по 5 часовъ утра 6-го августа: «Поврежденія въ продолженіе ночи по мѣрѣ возможности исправлялись. Непрiятельскій огонь не допускалъ привести ихъ въ желаемый видъ, потому что вновь исправляемыя поврежденія были неоднократно разрушаемы разрывами непріятельскихъ бомбъ и гранатъ.»

Съ 7 на 8 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскими выстрѣлами поврежденія въ продолженіе ночи, по воз-

возможности, исправлены. Но вслѣдствіе усиленнаго огня съ непріятельской стороны, съ разсвѣтомъ, преимущественно бомбами и гранатами, мерлоны и амбразуры снова повреждены.»

Съ 9 на 10 августа: «На бастіонѣ Корнилова, батарее Жерве и по линіи отъ Малахова кургана до бастіона № 2, ночью, исправляли амбразуры, мерлоны и траверзы, насыпали землю на пороховые погреба и блиндажи.»

Съ 10 на 11 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскимъ огнемъ поврежденія на бастіонѣ Корнилова и батарее Жерве въ продолженіе ночи были исправлены», и т. д.

Возьмемъ теперь донесенія начальниковъ 4 отдѣленія капитана 1 ранга Керна и капитанъ-лейтенанта Карпова:

Отъ 21 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскими выстрѣлами поврежденія въ продолженіе ночи были исправлены по возможности; *кромь того*, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ и насыпали барбеты.»

Отъ 22 августа: «Поврежденія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ въ продолженіи ночи по возможности были исправлены; *кромь того*, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты и на лѣвомъ фасѣ утолщали мерлоны.»

Отъ 23 августа: «Поврежденія въ продолженіе ночи по возможности были исправлены; *кромь того*, очищали рвы во второй оборонительной линіи, возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты и на лѣвомъ фасѣ утолщали мерлоны.»

Отъ 24 августа: «Поврежденія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ ночью исправлены по возможности; *кромь того*, очищали рвы, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты, на батарее лѣваго фаса утолщали мерлоны и очищали рвы въ обѣ стороны.»

Отъ 25 августа: «Нанесенныя вчерашняго числа непріятельскими выстрѣлами поврежденія въ продолженіе ночи были исправлены по возможности; *кромь того*, очищали рвы въ обѣ стороны, во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ, насыпали барбеты и на лѣвомъ фасѣ утолщали мерлоны.»

Наконецъ, отъ 26 августа: «Поврежденія въ продолженіе ночи по возможности были исправлены, *кромѣ того*: во второй оборонительной линіи возвышали и утолщали валъ и насыпали барбеты.»

Вотъ вамъ, г. Артиллеристъ, краснорѣчивые факты о службѣ инженеровъ въ Севастополѣ; теперь дѣлайте ваши заключенія о томъ, находили ли инженеры одни затрудненія или по возможности добросовѣстно исполняли свою обязанность. Ежели вы безпристрастны, то, конечно, согласитесь, что отзывъ вашъ о дѣйствіяхъ инженеровъ весьма далекъ отъ истины.

Кажется, мы на все отвѣтили, и въ назиданіе г. Артиллеристу можемъ сказать: нельзя ратовать на поприщѣ военной литературы, не вооружившись сперва истинною и знаніемъ дѣла.

Оканчиваемъ статью нашу вопросомъ: къ какому разряду (не по характеру, лѣтамъ или способу изложенія, а по содержанію статьи своей) принадлежитъ г. Артиллеристъ? Какъ патриотъ, онъ пристрастенъ; превозноситъ однихъ и старается бросить тѣнь на другихъ; говоритъ, что потомство запишетъ артиллерию золотыми буквами на страницы исторіи, а голословно, бездоказательно обвиняетъ цѣлое еословіе инженеровъ. Какъ защитникъ и участникъ обороны Севастополя, онъ обнаруживаетъ такъ мало свѣдѣній объ истинномъ ходѣ обороны, что заставляетъ сильно сомнѣваться, точно ли онъ непосредственный участникъ севастопольской обороны. Какъ артиллеристъ.... Нѣтъ, пусть ужъ гг. артиллеристы сами произнесутъ приговоръ о своемъ собратѣ, по указаннымъ нами ошибкамъ.... да, полно, г. Артиллеристъ, ужъ не маскируетесь ли вы и здѣсь, принявъ псевдонимъ «Артиллеристъ». Желательно, чтобы вы насъ въ этомъ разувѣрили, выставивъ, въ ожидаемомъ нами отвѣтѣ, настоящую вашу фамилію. Можетъ быть, отвѣтъ этотъ заставитъ насъ измѣнить наше мнѣніе, что вы принадлежите къ разряду неосновательныхъ критиковъ.

А. ОРДА.